Н
Н-71

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

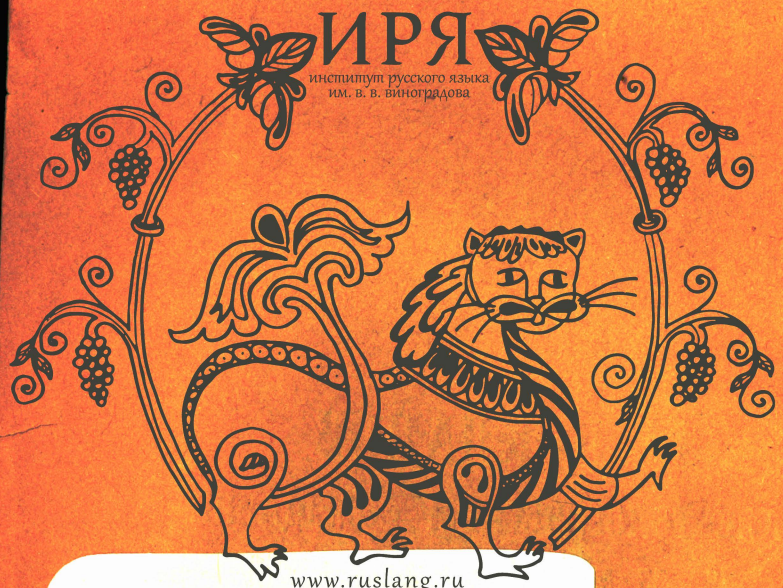
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

НА IX ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

15—18 МАЯ 1963 г.

МОСКВА 1963 г.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
НА IX ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ
15—18 МАЯ 1963 г.

МОСКВА 1963 г.

4
П 71

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
58279

Р. И. АВАНЕСОВ

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Доклад состоит из двух частей: первой — теоретической части и второй — практической.

I

В первой части доклада ставятся некоторые из наиболее общих теоретических проблем диалектологии и истории языка (точнее — истории диалектного языка, т. к. вопросы истории литературного языка в докладе оставляются в стороне). Предлагается различать диалектную речь как непосредственную данность, «текст» и моделируемые исследователем системы — микросистемы, а также различные по объему и качеству макросистемы. Необходимо различать, кроме того, диалектный язык как особого рода сложную макросистему с входящими в его состав макросистемами меньшего объема и микросистемами и диалекты как особого рода макросистемы, характеризующиеся общностью или различиями по избранному (на основе разных критериев, в том числе внеязыковых) комплексу языковых черт. Система может быть: 1) с выключенным пространством и выключенным временем (микросистема); 2) с включенным пространством и выключенным временем; 3) с выключенным пространством и включенным временем; 4) с включенным пространством и включенным временем (пп. 2—4 охватывают разные по объему и качеству макросистемы). Выдвигается идея о лингвистической хронографии (при включенности времени и выключенности пространства), которая может существовать рядом с лингвистической географией (изучающей диалектный язык при выключенном времени и включенном пространстве) и соответственно о хроноизоглоссах (во временной координате) наряду с топо-изоглоссами (в координате про-

странства). Выдвигается также идея о лингвистической хронографии с ее хроно-топо-изоглоссами как высшем отделе истории языка — исторической диалектологии. Устанавливается, какие отделы диалектологии и истории языка являются чисто структурными дисциплинами и какие не обходятся без обращения к внеязыковым факторам. Приводятся соображения о периодизации истории языка. Утверждается единство описательной диалектологии и истории языка, которые имеют одни и те же объекты — диалектный язык и диалекты в их пространственной и временной проекции. В описательной диалектологии этим двум объектам соответствует учение о диалектном языке (дисциплина чисто структурного характера) и учение о диалектах (где неизбежен выход за пределы изучения структуры языка и обращение к внеязыковым факторам). В истории языка этим двум объектам соответствуют историческая грамматика и лексикология (дисциплина чисто структурная по своему характеру) и историческая диалектология (где неизбежен выход за пределы изучения структуры языка и обращение к внеязыковым факторам).

II

Во второй части доклада выдвигаются и обосновываются очередные задачи диалектологии восточнославянских языков в тот период ее развития, когда лингвистические атласы русского, украинского и белорусского языков уже существенно продвинулись в своем осуществлении или близки к завершению.

В. И. СОБИННИКОВА

О СВЯЗИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

(на материале воронежских говоров и воронежских памятников письменности)

1. Вопросы связей истории языка и диалектологии мы рассматриваем на конкретном материале, извлеченном из воронежских говоров и воронежских рукописных памятников XVII в. — XVIII в., хранящихся в местном архиве. Эти связи определяются прежде всего теми отношениями, в которых находятся объекты исследования обеих наук, тесно соприкасающиеся и частично совпадающие, находящие один на другой.

2. Русский национальный язык современного нам периода — это сложная система, представляющая собой органическое единство ведущей системы — литературного языка — и частных систем (диалекты, просторечие), включающих общенародные явления наряду с обособленными чертами и подчиненных ведущей системе.

3. Литературному языку и диалектам, как частным системам, присуща неравномерность развития. Она проявляется в том, что одно и то же языковое явление может находиться на разных этапах развития в составе литературного языка и диалектов, что дает основание для сопоставительного анализа внутрисистемного характера применительно к сложной системе национального языка и для установления закономерностей развития языковых явлений. Диалекты русского национального языка, в силу неравномерности развития сравнительно с литературным языком, сохраняют, например, в своей системе явления, утраченные современным литературным языком, но зафиксированные на пройденных этапах его развития. Следовательно, они выступают как источник истории языка. Укажем некоторые примеры: а) зафиксированные в прошлом конструкции с вторым винительным, находящимся в пре-

дикативных отношениях с винительным прямого объекта и зависящим от глагола, утрачены литературным языком, но сохранились в говорах: *Вот она ...либяду мы* (ее) *называли* (Бродовое) [1]; *иё щитают бабушку, как ана знаит кой-чего* (Александровна) [2].

б) Предложный падеж с предлогом *ОБ,* обозначающий время действия, известен еще литературному языку первой половины XIX в., в системе же современного русского языка он является диалектной конструкцией:

Кокурки... Бывалъ об масльницы их пекли (Бродовое); *и каталис об масльницы ф кокошнику мъладыи* (Бродовое).

в) В современных говорах сохраняются пережитки старой формы давнопрошедшего времени: (Они) *были вместе работали* (Бродовое). Но здесь же зафиксирована и измененная конструкция, в которой выступает глагол *взять* в сочетании с знаменательным глаголом: *миня фчара кумаха взяла била* (Бродовое; из записей И. Я. Чернухиной).

г) Старое согласование (по смыслу) с собирательными существительными во множественном числе еще очень широко представлено в современных говорах: *И типерь жынихова родня идут ко двару* (Бродовое). *Дружына из Анни приехали* (Бродовое).

Примеры сохранения архаических конструкций современными говорами многочисленны.

4. Единство национального языка выражается в том, что все входящие в него диалекты (также и просторечие) имеют общие с литературным языком явления, которые можно назвать общенародными. Продуктивность общенародных явлений и их специфика выявляются глубже, если они изучаются в составе литературного языка и диалектов. Таким образом, диалекты могут быть использованы как источник изучения закономерностей, свойственных национальному языку в целом на данном этапе его развития.

Так, развитие винительного прямого объекта при глаголе с отрицанием свойственно литературному языку и диалектам, и неограниченное употребление его в современных говорах свидетельствует о продуктивности этого явления.

5. Сравнительный анализ диалектов и литературного языка создает возможность для определения того, из каких именно диалектов вошло то или другое явление в национальный язык.

[1] Владимирско-Поволжский говор на территории Воронежской области.
[2] Южновеликорусский говор.

Например, широкое употребление союзного слова *какой* в определительных предложениях, отмеченное в современном русском литературном языке (см. произведения К. Федина, Л. Леонова, М. Шолохова) часто в аналогичных условиях с *который*, вызвано воздействием южновеликорусских говоров, где наблюдается активное вытеснение местоимения *который* местоимением *какой*.

Освобождение от архаизмов активнее идет в некоторых говорах и литературном языке. Например, зафиксированная в «Воронежских актах». конструкция «инфинитив + было» не отмечена нами в современных воронежских говорах, на севере же она сохраняется (В. И. Чернышев).

В «Воронежских актах» имеем:

И ту государь мою лошед(ь) ему Петру привести было на мне на Лазовский, и онь (sic) *Петрь* (sic) *ко мне холопу твоему на Лазовский стан не привель* (sic). (Дело по челобитью воронежца М. Гаршина, 1702, приказ судных дел).

6. Сопоставление диалектов и литературного языка на разных этапах развития помогает выявить, какие языковые черты в системе диалектов остались на уровне диалектных и не вошли в литературный язык. Например, в современных южнорусских говорах и на диалектном уровне в памятниках письменности XVII—XVIII в. остаются конструкции со смешением родительного и предложного падежей множественного числа.

В актах 17—18 вв. находим:

Вели государь за старость мою и за скорбь меня из тех приставах оставить. (Челобитная М. Иноземцева и М. Рогова об отставке от работы, 1702 г., фонд 171, тетрадь 62, л. 21 и др.).

В говорах: *Ад дитях слушаит'* (Гремячье, 4).

7. Обращаясь к памятникам письменности как к источнику истории языка, мы можем путем их сопоставления с современными говорами определить, что именно в них можно отнести к явлениям живой разговорной речи и что именно связано с письменной традицией.

Если конструкции совпадают в памятниках письменности и диалектах, то, очевидно, и в памятниках письменности прошлого они отражали нормы живой разговорной речи. Для установления того, являлись ли они и в прошлом диалектными, требуются дополнительные данные, основанные на сопоставлении говоров и памятников письменности различной локализации.

Сравнение материала «Воронежских актов» с современны-

ми воронежскими говорами позволяет установить наличие ряда конструкций, свойственных системе тех и других. Остановимся на некоторых из них.

1. Говорам известны предложения, осложненные глаголом «есть», указывающим на наличие чего-либо: *Ес'т' и косит' женшына* (Оськино); *Ест' ани вит' складна расскажут'* (Гремячье).

В таких предложениях на правах подлежащего к «есть» присоединяется целое предложение. Таким образом, по происхождению это своеобразное сложное предложение с включением одного предложения в другое на правах подлежащего.

В «Воронежских актах» находим такого рода предложения:

А есть у меня со мною живутъ в одном доме два приемыша (Челобитная М. Иноземцева и М. Рогова об отставке от работы, 1702 г., фонд 171, тетрадь 62, л. 2).

В этом предложении глагол «есть» еще не получил значения частицы, указывающей на наличие чего-либо. В литературном языке эта конструкция не закрепилась.

Паратаксические конструкции с общим членом частей сложного предложения свойственны «Воронежским актам» и воронежским говорам:

Максимъ Гончаров вместа ево был пасылшикъ шодъ на службу в Белгороде умре. (Отписка воронежского стрелецкого и казачьего головы С. Мальцева, 1694 г., фонд 182, опись 2, единицы хранения 56, тетрадь 49).

Ест там у мине палоска у вяртыни посеяна. (Борщево, Воронежской области).

Предложения с отсутствием согласования страдательного причастия с подлежащим употребляются в «Воронежских актах» и говорах.

И те де конапли и ленъ у него Петра издержано. (Дело по челобитью крестьян И. Двоеглавого, Л. Черноусова о грабеже лошади, 1702, фонд 171, тетрадь 20). В том же памятнике находим: *клящи, промянил, крух, привесть* и др. южновеликорусские особенности.

В воронежских говорах это явление отмечено В. В. Титовской [1].

Удивительное совпадение материала воронежских говоров и памятников письменности отмечено по ряду других конструкций.

Сопоставление говоров и памятников письменности одной

[1] В. В. Титовская, **Формы глаголов в говорах юго-западной части Воронежской области, кандидатская диссертация, Воронеж, 1955 г.**

диалектной отнесенности позволяет установить явления, свойственные живой разговорной речи в прошлом, а в некоторых случаях и их диалектный характер.

8. Как история языка, так и диалектология имеют общие задачи, которые они решают на смежном, а иногда на совпадающем материале, — раскрыть процесс образования русского национального языка. Данные той и другой науки подкрепляют друг друга.

В. Г. ОРЛОВА

ГРУППИРОВКА ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

1. Проведенное к настоящему времени изучение говоров русского языка методами лингвистической географии открывает возможность постановки на новой основе вопроса о диалектном членении русского языка. Разрешение этого вопроса основывается при наличии данных лингвистической географии на изучении закономерностей, наблюдаемых в расположении изоглосс и их пучков с учетом характера явлений, представляемых теми или иными изоглоссами. Подобное изучение устраняет случайность в установлении тех или иных диалектных подразделений: в основу диалектного членения кладется учет объективных закономерностей территориального распространения диалектных различий и систем территориальных противопоставлений, намечающихся на основе изучения этого распространения. Таким образом, к разрешению вопроса в целом применяется единый принцип. Намечаемое членение представляет собой при этом не классификацию, а группировку говоров руского языка. Это объясняется объективными закономерностями территориального распространения диалектных различий русского языка: выделяющиеся диалектные подразделенияоказываются нередко охарактеризованными на основе признаков различной значимости и относящихся к разным сторонам языка и не могут быть соотнесены друг с другом на основе одного и того же признака.

2. Уже общее ознакомление с данными лингвистической географии русского языка показывает то своеобразие закономерностей размещения изоглосс, которое наблюдается на территориях, где первоначально складывались русские диалекты и где, таким образом, современные говоры в наибольшей степени связаны преемственной связью с диалектными объединениями предшествующего периода. Именно здесь наблюдается противопоставление друг другу значительных территориальных величин, в пределах которых имеется последовательное распространение тех или иных явлений, в их характерных сочетаниях друг с другом.

Изучение диалектного членения на территориях, заселявшихся в более позднее время, представляет собой задачу особого рода и может быть вторым этапом в общем изучении вопроса, т. к. это изучение должно опираться на представления о членении говоров на основной территории и дать объяснение того, в ряде случаев гораздо более дробного и менее определенного размещения диалектных групп, которое сложилось на территориях позднего заселения на основе переселений в разное время с разных частей центральной территории распространения русского языка.

3. Изучение закономерностей распространения изоглосс на территории говоров центральных областей Европейской части СССР показывает, что это распространение приводит к выделению территориальных величин, которые характеризуются определенными комплексами диалектных явлений и находятся в разного рода отношениях друг к другу.

а) Попарно противопоставленные территориальные величины, т. е. такие, каждая из которых имеет свой комплекс признаков, представляющих диалектные члены диалектных различий, и выделяется изоглоссами, противополагающими ее другой териториальной величине со своим комплексом диалектных признаков. В случаях этого рода изоглоссы образуют достаточно определенные пучки, в пределах которых они значительно сближаются друг с другом, представляя общее сходство очертаний. Такие противопоставления территориальных величин имеют место как в пределах всей рассматриваемой территории русского языка, так и внутри отдельных вычленений.

б) Территориальные величины, выделяющиеся известным количеством изоглосс диалектных явлений, но имеющие ту отличительную особенность, что на противостоящей им территории, взятой в целом, отсутствует объединяющий ее комплекс диалектных признаков. Поэтому условно подобные величины мы будем называть непротивопоставленными.

При дальнейшем изучении подобных величин выясняется разное значение этих величин и сответствующих пучков изоглосс для диалектного членения языка. Одни из них оказываются частично противопоставленными в пределах более широ-

ких объединений и дают основание для выделения групп говоров. Другие учитываются при характеристике одновременно нескольких групп говоров.

в) Для понимания намечающегося членения важно учитывать, что пучки изоглосс, выделяя четко противопоставленные диалектные массивы, одновременно также накладываются друг на друга на определенных территориях.

Характеристика говоров, находящихся на территории взаимоналожения изоглосс, в первую очередь определяется этим взаимоналожением. Для установления границы таких говоров привлекаются изоглоссы явлений (порознь характерных для данных противопоставленных диалектных массивов), имеющих наиболее широкое распространение, т. е. явлений, которые связаны с двумя самыми крайними пучками изоглосс, наиболее удаленными от территории, занимаемой тем или иным диалектным массивом. Это делается, однако, с учетом специфики самих этих явлений. Для определения характера переходных говоров важно также, между какого рода диалектными массивами они расположены.

4. В связи с тем, что территориальных единств, выделяемых попарно противопоставленными пучками изоглосс, может быть несколько и они могут включаться друг в друга, а также в связи с тем, что определенные группы говоров выделяются и на территории самого взаимоналожения изоглосс, становится ясным, что и противопоставленные территориальные объединения не являются равнозначными для диалектного членения языка. Таким образом, выявляется требующий своего дальнейшего обоснования и развития вопрос об иерархии намечающихся объединений говоров, чему и посвящаются следующие разделы доклада.

5. При установлении иерархии в пределах имеющегося членения говоров и при выяснении роли отдельных групп в общей структуре говоров языка высшими по своему значению должны быть признаны такие наиболее широкие по территориальному охвату объединения говоров, которые противопоставлены в пределах данного языка другим столь же широким объединениям. Наиболее существенным является при этом то, чтобы каждой из таких противопоставленных групп было присуще определенное количество диалектных явлений (диалектных членов соответственных явлений), встречающихся только в этой группе говоров и именно в данном сочетании черт друг с другом. Члены соответственных явлений, которые совпадают с нормализованным типом языка, учитываются как дополнительно обосновывающие выделение данной группы и в дальнейшем включаются в ее описательную характеристику.

Степень противопоставленности подобной группы повышается также в зависимости от того, имеются ли в составе характерных для нее признаков явления — закономерности, реализующиеся на неограниченном языковом материале, что ощутительно сказывается на степени своеобразия диалектной речи, звучащей на данной территории.

Группы говоров, обладающие всеми названными признаками, являющиеся наиболее едиными по характеру представленных в них диалектных явлений и наиболее четко противопоставленными другим говорам языка, должны быть обозначены как основные наречия языка. Наречия русского языка выделяются изоглоссами явлений, относящихся как к фонетике, так и к грамматике; имеется также известное количество изоглосс лексических явлений, входящих в пучки, выделяющие наречия.

6. Подразделения, намечающиеся в пределах отдельных наречий, которые могут быть названы группами говоров того или иного наречия, прежде всего характеризуются тем, что разделяют все диалектные явления, характеризующие данное наречие, в силу чего они и выступают как часть более широкого целого. Для выделения групп говоров необходимо также наличие достаточно определенных пучков изоглосс диалектных явлений, которые на всем своем протяжении или на отдельных отрезках выделяют данную группу. В зависимости от характера этих явлений, от того, в какой мере представлены среди них разные стороны языка, а также в зависимости от наличия в составе этих явлений целостных языковых закономерностей оказывается возможным говорить о различной значимости этих групп говоров.

7. Говоры, расположенные в сфере взаимоналожения пучков изоглосс, являются, как уже было указано, переходными по своему характеру и могут быть соответственно этим термином обозначены. В таких говорах по-разному в разных частях занимаемой ими территории сочетается разное количество признаков, порознь известных в говорах других территорий. Имеются в таких говорах и собственно местные признаки, неизвестные на других территориях, причем этого рода явления нередко не имеют в зоне переходных говоров повсеместного распространения, хотя самое наличие собственно местных явлений и их характер весьма важны для определения специфики различных групп переходных говоров.

Так, отдельные группы переходных говоров в связи с наличием местных черт могут становиться по своему значению равными самостоятельным группам говоров языка. В структуре отдельных переходных говоров мы встречаемся с весьма своеобразно сложившимися комплексами явлений. Это объясняется как неравномерностью расположения изоглосс, входящих во взаимоналагающиеся пучки, так и неравномерностью распространения собственно местных признаков. В связи с этим переходные говоры не являются едиными по своему характеру, а для их внутреннего членения и характеристики нередко приходится опираться на отдельные, избирательно привлекаемые признаки.

8. Среди указанных выше территориальных величин, непротивопоставленных по своему характеру, должны быть особо отмечены те, которые, выделяясь (хотя и односторонне) достаточно определенным комплексом признаков, перекрывают частично наиболее широкое членение говоров языка.

Непротивопоставленные территориальные величины, если они выделяются достаточно определенными пучками изоглосс, пересекающими пучки основного членения говоров языка, могут быть обозначены как тип говоров (западный тип говоров русского языка). Черты типа говоров совмещаются с определяющими для диалектного членения чертами, присущими наречиям и группам говоров.

Т. А. ХМЕЛЕВСКАЯ

ДОНСКИЕ ГОВОРЫ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЮЖНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ [1]

I. Возникновение донских говоров — процесс позднейшей исторической эпохи (XVI—XVIII, частично и XIX вв.), тесно связанный с историей заселения донского края. Говоры Дона явились результатом сложных языковых процессов. В течение более двух столетий складывалось местное население: со второй половины XVI в. на Дон стекались выходцы из различных, главным образом, центральных и южных областей России. Здесь происходило взаимодействие различных русских диалектов, сказывалось влияние украинского, а в области лексики, и неславянских (особенно калмыцкого) языков.

II. Донские говоры неоднородны, однако все они типично южнорусские, о чем свидетельствуют их фонетико-грамматические и лексические особенности. Подобно другим диалектам русского языка говоры Дона сочетают в себе общие признаки русского языка с частными ,различительными признаками.

III. Говоры Дона тождественны в одних своих элементах и нетождественны в других. Все донские говоры имеют один и тот же не отличающийся от общенародного языка состав гласных (даже при наличии в отдельных говорах Щигровского типа диссимилятивного яканья), ударенные гласные характеризуются позиционной меной, связанной с качеством согласных по твердости — мягкости. Встречающаяся позиционная мена ударяемых звуков *а* и *о*, а также *а* и *е* между мягкими согласными во всех говорах Дона проявляется в отдельных словах (не полностью совпадающих по говорам): *бóкч'и, вóр'им, дó*р'им, кóт'иш', навóл'ут', плóт'ит', правóл'ица, свóл'ица, сóд'ит'; сáл'им, скáм'ји; ур'éс', пл'имéн'ик, м éч'ик. Согласные дон-

[1] В докладе будут рассматриваться только русские говоры Дона. Украинские говоры требуют специального изучения.

ских говоров образуют как и в общенародном языке соотносительные ряды по твердости — мягкости, звонкости — глухости, различаются аффрикаты *ч'* и *ц* и др. явления.

Тождественные элементы говоров Дона или являются общенародными, или характерными признаками южнорусского наречия. К числу последних относятся: распадение категории среднего рода у существительных; окончание *е* в Р. п. у личных местоимений; окончание — *и* у кратких прилагательных в И. п. мн. ч.: *баγа́т'и, п'ја́н'и, ра́д'и, сы́т'и; т'* — в окончании глаголов 3 л. и др.

Нетождественными чертами в говорах Дона являются:

1. Типы неразличения гласных *о, а* в 1-м предударном слоге после твердого согласного: *а, у, ы, а* | *ъ, у, ы* (ст. Золотовская, Семикаракорская, Семикаракор. р-на, х. Поповка, ст. Шумилинская В. Донского р-на и др.).

2. Типы неразличения гласных неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном сл. после мягких согласных:

1) *и, у;* 2) *а, и, у;* 3) *а, у,* (см. карту распространения этих типов). Второй тип реализации указанных гласных определяется в говорах Дона только качеством гласного под ударением и образует несколько подтипов, различающихся распределением гласных фонем (диссимилятивное яканье донского, щигровского подтипов, ассимилятивно-диссимилятивное яканье кидусовского подтипа).

3-й тип реализации гласных в донских говорах, вопреки показаниям «Опыта...» и данным работ А. В. Миртова,[1] не имеет широкого распространения, не образует компактной группы (см. карту). Устойчивым на Дону является только 1-й тип: *и, у;* остальные типы имеют колебания.

3. Реализация гласных в безударных слогах, кроме 1-го предударного основная масса нижне- и среднедонских, западная часть верхнедонских говоров не знает редукции гласных, что, очевидно, связано с украинским влиянием.

4. Протетический *в* перед *о, у,* свойственный отдельным говорам: *во́вцы, во́ч'ин', во́кны, ву́мный, ву́х и, ву́тръм* (говоры Багаевск., Вёшинск., Дубовск., Литвин., Милют., Никол., Семикар., Советск. р-нов) и интервокальный *в: рад'ивóн, раивóн, каравýл'ит', палавýмный.*

В некоторых говорах указанное явление лексикализовалось, см. в говорах В. Донского р-на, ст. Шумилинская: *во́труб'и во́з'ира, во́стрыја, ву́ха,* но *о́с'ин', о́фцы, о́кны, о́ч'ир'ит', у́ск'ij, у́γал'* и др.

Слово *ву́л'ица* (уличное гулянье) почти повсеместно имеет протетический *в.*

5. Состав (с колебанием от 34 до 30 фонем) и качество согласных фонем.

а) Большинство говоров нижнего, среднего и некоторые говоры верхнего Дона знают долгие твердые щипящие: *шып, ша́в'ил', дажа́, дро́жы.* Мягкие долгие шипящие наблюдаются в говорах х. Севастьяновского, Вёшенск. р-на, х. Сетраки, Ал. Лоз. р-на ст. Боковской Бок. р-на, х. Сметановск., Цимлянского р-на и некоторых других.

б) При различении *ц* и *ч'* во многих среднедонских и верхнедонских говорах наблюдается утрата затвора аффрикатой *ч': казаш'о́к, луш'о́к, пуш'о́к.* (говоры Конст., Никол., Цимл., Дубов., Багаев. (х. Кудинов), Совет. (х. Пичугин), Обливского (х. Кривов), В. Донского (ст. Щумилинская) районов (см. карту) [1].

Утрата затвора аффрикаты *ц* носит лексикализованный характер: *ауурсы́, ат'е́с, н'е́мсы, па́л'са, св'аты́, св'ит'о́т'.* Нижнедонские говоры (Азовского, Старочеркасского, Аксайского районов), почти не знающие утраты затвора аффрикаты *ч',* обнаруживают это явление при произнесении аффрикаты *ц* в довольно большой группе слов: *ауурсы́, ауса́, кал'со́, па́л'ис, сыба́рка, сар', с'е́лај, сыпл'а́ты, св'иты́, св'итут'.*

в) Донские говоры различаются качеством губных спирантов: в нижнедонских, большей части среднедонских и отдельных верхнедонских говорах отмечаются губно-губные спиранты, в отдельных среднедонских, большинстве верхнедонских говоров — губно-зубные спиранты.

г) Говоры Азовского, Аксайского районов противопоставляются остальным донским меной шипящих — свистящих: *з'ил'е́зныj, з'а́бры, ражар'и́л'ис', пажасты́л'и, са́сыл', сал', вышушыт', ат-ва́ш, ат-на́ш.*

6. Нетождественным в донских говорах является и употреб-

[1] Казачьи говоры, изд. Севкавкнига, 1926 г. стр. 12; Качество предударного класного как типовой признак донских говоров. Сб. статей по вопросам культуры, Ростов, 1928 г., стр. 197.

[1]) Интересно отметить, что границы утраты затвора аффрикаты *ч'* и *ч'* в составе сочетания *ЧН* — не совпадают. Многие верхнедонские и нижнедонские говоры, не знающие утраты затвора при произнесении *ч',* обнаруживают его в сочетании *ЧН: а ур'е́шныj, стан'и́шныj, пъшан'и́шныj* и др. (гов. В. Д. (х. Поповка, х. Стоги), Миг., Бок. и др.) Это свид. того, что судьба *ч'* в сочетании *ЧН* иная, чем вне этого сочетания.

582 79
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

ление согласных, образующих сотносительные пары по твердости — мягкости.

а) В говорах нижнего и (частично) среднего Дона находим употребление мягких губных согласных не на конце слова значительно шире, чем в системе литературного языка, но в позиции конца слова мягкие губные согласные отсутствуют: *б'ýстра, б'икú', в'исакó, в'ýбан'ил, в'ýв'ихнул, кав'ир'áит', л'úп'и, м'úла, м'и, п'ил'*, но *сып, ст'еп, с'ем, γóлуп.* (см. Акс., Азовск., Род.-Несвет., Белокалитв., Багаевск. (х. Кудинов, ст. Манычская), Морозовск., р-н (х. Покровский).

б) В отдельных средне-, верхне- и нижнедонских говорах при наличии соотносительных пар губных согласных по твердости — мягкости отмечается отсутствие мягких губных на конце слова: *сып, цеп, руп, прóлуп, вóс'им* (Констант., Семикар., Обливск., Никол., Роман., Цимл., Бок., В.-Д. районы).

в) При наличии в системе согласных соотносительной пары *р, р'* в одних донских говроах ограничено употребление *р'*: *рэ́ч'ка, рэ́тка, карыч'н'ивыj, карыдóр* (Род.-Несвет., Мальч., Криворожск., Чертков районы)), в других напротив, *р'* имеет более широкое распространение, чем в литературном языке[1]: *д'б'ργат', стáр'шы, ч'итв'ёр'х, в'ер'х, з'ёр'къла, п'ёр'выj,* (В.-Д., Миг., Базк., Бок., Ал. Лозов., Вёшен., Совет. Дубов., Цимл., Семикар. (ст. Кочетовская) р-ны).

г) Большинство средне- и верхнедонских говоров знает переходное смягчение *к*. Среди них выделяется группа, в которой *к>к'* после парных мягких согласных, *j и ч'*: *кóл'к'а, хар'к'óвыj, казáч'к'а, дóч'к'а;* и группа, в которой *к>к'* только после парных мягких согласных и *j*: *л'ýл'к'а, вáс'к'а*, но *дóч'ка*. В говорах как одной, так и другой групп создаются условия для появления соотносительной пары *к* и *к'*: ср. *ком—с-малач'к'óм, γýлка — л'ýл'к'а, кáтка — кáт'к'а.*

7. В области грамматики различительные признаки донских говоров имеют меньший удельный вес, чем в области фонетики. Главнейшие из них: а) окончание — *ох* у существ. в Р. п. мн. ч.: *быкóх, карóх, кон'áх.* (Обливск. р-н (х. Кривов, Александров), Совет. р-н (х. Усть-Грязн., Аржановский, Варлаамов и др.); б) окончание — *ими* в Тв. п. мн. ч. у существ. с основой на заднеязычные: *дýтк'им'и, д'ёфк'им'и, тр'áп'к'им'и* (Семикар. х. Мечетн., Багаевск. р-н (ст. Багаевская, х. Карповка), Ал. Лозов. (х. Сетраки), В. Дон., Боков., Базк., Мигулинск. районы Ростовской области);

[1] Ориентируемся не на старомосковское произношение.

в) окончание — *уjа* в Вин. п. ед. ч. у прилагательных и местоимений: *бал'шýjа, сл'апýjа, такýjа* (Багаев., Никол., Роман., Цимл., Мороз., Милют., Базковск. районы);

г) *окончание — ут'а, — áт'а* у глаголов 2 л. мн. ч.: *бýдут'а, знájут'а, иγрájут'а, п'úшут'а хат'áт'а* (Роман., Цимл., Дубовск., Никол. районы);

д) употребление при глаголах прош. времени имен существ. на—*ия* в Им., а не в Вин., п.: *пошóл в-áрм'иjа, ацлужыл армиjа, получ'ál п'ёнз'иjа, давáл'и п'ёнз'иjа, был в-γ'ирмáн'иjа, атаслáл'и в-ипон'иjа* (Дубовск., Ал., Лозовск. (х. Сетраки), Мигул., Базковск., Боков., Совет., В. Донск. р-ны).

8. Различительные элементы говоров Дона охватывают все стороны языка, но имеют неодинаковый характер: одни из них образуют противопоставленные, сответственные явления (аканье, γ, *ш, ж* и др.), другие — непротивопоставленные, несоответственные (протетич. *в* перед *о, у*, появление соотносительной пары *к* и *к'*, окончание — *ут'а, —áт'а* во 2 л. мн. ч. и др.).

9. В говорах Дона обнаруживаются явления, сопутствующие друг другу: а) иканье сопутствует более широкому употреблению твердых губных согласных, отсутсвию пары *к — к'*;

б) ассимилятивно-диссимилятив. яканью сопутствует более широкое, чем в литературном языке употребление мягкого *р'*, переходное смягчение *к* после парных мягких согласных, *j* и *ч'*, наличие соотносительной пары *к* и *к'*.

в) диссимилятивному яканью сопутствует переходное смягчение *к* только после парных мягких согласных и *j*, наличие соотносительной пары *к и к'*, окончание — *уjа* у имен прилагательных ж. р. в Вин. п. ед. ч.

10. Одно и то же явление донских говоров занимает разное место в языковой системе, так протетический *в* перед *о, у* в говорах Багаев., Вёшен., Дубовск. и др. районов носит фонетический характер, в других — лексический (х. Карповка Баг. р-на); мена шипящих-свистящик в говорах Азовского, Аксайского районов — фонетическая особенность, в говорах Род. Несвет., Констант., Багаевск., Никол. районов — лексическая (см. *з'áбры*).

Эти и подобные факты представляют интерес для диахронического изучения донских говоров.

11. В системе южнорусского наречия говоры Дона не образуют особой подгруппы, т. к. не имеют присущих только им

различительных черт[1]. В целом они противопоставляются тульской подгруппе[2]. Отдельные донские говоры близки к рязанским (ассимилятивно-диссимилят. яканье, смягчение *к* после мягк. согл., *j* и *ч'* и др.), другие — к орловским и курским (диссимилят. яканье, губно-губные спиранты и др.), что дает основание усматривать генетическую связь донских казаков с рязанцами, орловцами, курянами, которые, очевидно, преобладали в составе населения Дона. Изменение *а* в *е* между мягкими согласными в отдельных словах, остатки цоканья свидетельсвуют о севернорусском элементе в формировании говоров Дона. Ряд особенностей в рассматриваемых говорах обязан украинскому влиянию.

[1] Некоторые новообразования: окончания — *ут'а, -а'т'а* у глаг. 2 л. мн. числ., позиционная ограниченность мягкого *р* и др. носят частный характер и не определяют всю систему донских говоров.

[2] Ни один говор Дона не имеет умеренного яканья.

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

ПЕРЕХОДНЫЕ ГОВОРЫ ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

1. Многочисленные переходные говоры, различные по происхождению, времени образования и характеру развития, в большинстве своем не подвергались глубокому изучению и не получили в русской диалектологии достаточного освещения. Не оценено должным образом и их научное значение.

1.2. К ним обращались преимущественно в связи с необходимостью построения общей системы русских говоров и группировки восточнославянских языков и их классификации.

1.3. Это предопределило специфический отбор диалектного материала, поскольку из всей, нередко весьма сложной, системы переходных говоров внимание исследователей привлекали прежде всего те факты, которые можно было отнести на счет говоров-источников, участвовавших во вазимодействии.

1.4. Это предопределило и ставшее широко распространенным (причем не только в русской диалектологии) понимание переходных говоров, как говоров, не обладающих собственными отличительными признаками, но представляющих лишь специфическую комбинацию уже существующих элементов разнодиалектного происхождения.

1.5. Не вполне справедливое даже в отношении средневеликорусских говоров, на основе изучения которых оно по-видимому прежде всего и сформировалось, такое понимание тем более несправедливо в отношении тех разного типа переходных говоров, которые сложились в процессе взаимодействия диалектов близкородственных восточнославянских языков. К их числу принадлежат и говоры Западной Брянщины.

2. Говоры Западной Брянщины — это говоры 14 западных районов Брянской обл. (в прошлом — 4 северных уу. б. Черниговской губ.), занимающие большую (южную) часть древ-

ней радимичской земли и северную часть северянской земли, входивших в состав древнего Черниговского княжества.

2.1. Исключительная сложность этих говоров, объясняющаяся специфическими условиями их формирования и развития, и недостаточно глубокое их изучение привели к тому, что по вопросу об их диалектной принадлежности в прежней русской диалектологии сложилось переплетение противоречивых, а иногда прямо противоположных точек зрения.

2.2. В конечном счете общепризнанным (после работ Е. Ф. Карского, «Опыта..» МДК, П. А. Росторгуева) стал взгляд на эти говоры как на говоры собственно белорусские.

2.3. Такое определение их, однако, не сответствует действительности и нуждается в пересмотре, так как строится на преувеличении и сгущении белорусских черт и отрицании или преуменьшении признаков небелорусского происхождения. Среди этих последних обнаруживаются а) явления архаические (в лексике, фонетике и синтаксисе); б) явления более поздние, связанные с влиянием северноукраинских говоров и усиливающимся на протяжении многих десятилетий южновеликорусским влиянием, а в последнее время и с воздействием нормализованного типа языка (*ч'* вместо *ч, т', д'* вместо *ц'* и *дз'*, мягкое *р'* перед гласными переднего ряда, многократные формы глаголов типа *выкапывать, перестраивать, замораживать* и мн. др. явления в фонетике, морфологии, лексике и синтаксисе).

2.4 Говоры Западной Брянщины должны быть признаны переходными от белорусских к южновеликорусским.

3. Изучение их показывает, что переходные говоры, помимо явлений, которые могут быть возведены к той или иной из диалектных групп, участвовавших в их сложении, обладают также целым рядом новообразований, специфических явлений, возникших и возникающих в процессе и в результате междиалектного вазимодействия.

3.1. Такого рода явления обычно не привлекали внимания исследователей и либо оставались незамеченными (ср., например, западнобрянские многократные формы глаголов с заменой корневого *е* через *а* типа *приляпливать*), либо, освобожденные от специфических своих особенностей, неоправданно отождествлялись с соответствующими явлениями исходных говоров (ср., например, отождествление предударного вокализма западнобрянских говоров с сильным яканьем и недиссимилятивным аканьем южнобелорусских говоров).

3.2. Между тем изучение таких явлений и установление их

специфики представляет исключительный интерес и может привести к весьма важным выводам в различных областях лингвистического исследования, в том числе и в области исторической диалектологии.

4. Возникая в процессе междиалектного вазимодействия, такие явления убедительно раскрывают сущность и закономерности этого процесса, обнажают и делают явными такие особенности взаимодействующих говоров, которые в ином случае было бы трудно обнаружить.

4.1. Изучение новообразований такого типа позволяет видеть, как осуществляется взаимодействие между различными уровнями языка (ср., например, сложную цепь фонетико-морфологических последствий перехода от *ч* твердого к мягкому *ч'* в западнобрянских говорах), и тем самым открывает причинно-следственные связи между явлениями, которые в иных говорах оказываются разобщенными или частично утраченными в процессе развития (ср. возможный вывод о былом существовании аффрикаты *дж* на восток и северо-восток от ее теперешней границы).

4.2. В то же время это способствует значительному расширению наших представлений о явлениях конвергенции в историческом развитии русских говоров, когда различные процессы приводят в разных говорах к возникновению тождественных результатов (ср., например, происхождение форм типа *ходю, пустю* в севернорусских говорах и происхождение аналогичных форм в западноорловских, смоленских и некоторых других говорах, переходных от белорусских к южновеликорусским).

4.3. Требуя преимущественного внимания к закономерностям внутреннего развития, изучение новообразований такого типа значительно ограничивает опасность переоценки роли и значения внешних влияний и всякого рода внелингвистических факторов в развитии переходных говоров (ср., например, вопрос о происхождении форм типа *завяртывать* и неподтвердившееся предположение С. П. Обнорского о том, что они занесены в брянские и курские говоры переселенческой волной; ср. также вопрос о происхождении замены *а* через *е* в образованиях с корнем *гляд-* в белоруском языке) и тем самым может способствовать установлению правильного взгляда на соотношение внутреннего и внешнего в историческом развитии русских говоров вообще.

4.4 Переходные говоры, благодаря явлениям рассматриваемого типа, оказываются своеобразной природной лаборатори-

ей, где исследователь получает широкие возможности если не для постановки, то во всяком случае для внимательного наблюдения за ходом естественного эксперимента, условия которго, благодаря разнообразию и разнотипности переходных говоров, могут быть подобраны в довольно широком диапазоне. Это открывает перспективы для изучения закономерностей и последовательности развития многих таких явлений, которые в иных говорах совершились в более или менее отдаленном прошлом, а сейчас либо выступают в конечных готовых результатах (ср. замену γ фрикативного взрывным *г* и обратную замену *г* взрывного γ фрикативным, замену твердого *ч* мягким *ч'*, восстановление мягкого *р'* перед гласными переднего ряда и мн. др.), либо значительно расширены за счет разного рода выравнивающих факторов.

Так, например, изучение современных говоров Западной Брянщины позволяет пролить дополнительный свет на некоторые не вполне ясные вопросы истории целого ряда территориально и структурно близких к ним говоров западнорусского типа (восточнобрянских, западноорловских, калужских, смоленских), которые пережили южновеликорусское влияние и усвоили многие южновеликорусские особенности значительно раньше и в большей мере, чем западнобрянские.

Е. П. ЛУППОВА

ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА В ГОВОРАХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ КЛАССИФИКАЦИИ ИХ

1. Говоры Кировской области занимают значительное место на территории Восточной группы северновеликорусского наречия и представляют интерес для выяснения вопросов классификации северновеликорусских говоров.

2. По системе произношения гласных Кировские говоры не являются вполне однородными, хотя лишь по отдельным явлениям на территории области могут быть намечены изоглоссы (изменения *'А* в *Е* между мягкими согласными под ударением, произношение *е (ять)* как *Е* в ударном положении, прибавление гласного в начале слов перед плавным с последующим согласным). Чаще же при установлении типов произношения гласных в определенных условиях можно говорить лишь о большем или меньшем распространении их на той или иной территории (например, произношение *м'jу, м'jóт* в отличие от *мою, моет* имеет больше распространение в центральной части области). Во многих случаях степень употребительности того или иного типа может быть уточнена при учете лексики или форм, в которых это явление отмечается (произношение *е (ять)* в разных фонетических условиях, ёканье и др.).

3. В системе ударного вокализма для классификации Кировских говоров имет существенное значение три особенности:

1) характер произношения гласного на месте древнего *ять;*

2) наличие или отсутствие *о* (*уо*) и

3) изменение *'А* в *Е* между мягкими согласными.

4. Записи показывают различные типы произношения гласного на месте древнего *ять (И, Е, Е, ИЕ)*, не одинаково рас-

пространенные в разных фонетических условиях (в середине слов перед мягким или твердым согласным и на конце слов), и отмечают большую или меньшую употребительность этих типов на отдельных частях территории области, а также позволяют выделить группу говоров, в которых *ӗ (ять)* в ударном положении вообще совпало с *Е*.

5. В соответствии с ударным *О* литературного языка в большинстве пунктов отмечается только *О*. Пережитки старой системы в различении *О* и *о̆ (у͡о)* можно видеть в современных говорах в случаях употребления *О̂* (в 106 пунктах) или крайне редко дифтонгов *У͡О* (в 11 пунктах), причем записи по отдельным пунктам дают недостаточный материал для установления системы в употреблении *О* и *о̂*, и только при сопоставлении всех материалов, в которых отмечено *О̂*, можно говорить об условиях, в которых *О̂* сохраняет более широкое употребление. По материалам можно наметить территории, где *О̂* имеет большее распространение.

6. Изменение *'А* в *Е* между согласными под ударением отражается в старых и новых записях и имеет широкое распространение на территории. На основании материалов, собранных для атласа, можно наметить изоглоссу, отделяющую южную часть области, для которой данное явление не характерно, а также установить типы говоров по степени устойчивости данного явления в настоящее время в традиционном говоре.

7. В зависимости от произношения гласных в неударном положении, основная часть Кировской области может быть отнесена к типу говоров с полным оканьем. Исключение представляет лишь территория юго-востока области (Малмыжский и Уржумский районы), на которой имеются акающие говоры с иканьем (преимущественно в селениях бывших помещичьих крестьян), а также говоры, с смешанным окающе-акающим вокализмом. К типу акающих говоров относится и поселок Залазна Омутнинского района, куда были переселены крестьяне из Тульской губернии (см. дисертацию Б. В. Попова).

8. На территории основного массива окающих говоров устанавливается различие по характеру произношения неударного *О:* в ряде пунктов области отмечается лабиализованное *О* или реже *У* вместо *О*, которое встречается в определенных фонетических условиях (чаще после губных и заднеязычных согласных) наряду с *О*. В отдельных случаях во многих пунктах области отмечаются элементы аканья, причем в большей степени это отражается в говорах Прикамья (по материалам

В. И. Троицкого). В соответствии с неударным *А* при обычном *А* в окающих говорах отмечается *О* вместо *А* в отдельных словах *(зобóту, довáй, довнó* и др.).

9. В системе произношений гласных после мягких согласных и шипящих при общей тенденции к еканью в предударных слогах в современных говорах сохраняются различия в судьбе гласного на месте *Е* (из *Е* и *Ь*), *Ӗ (ять)* и *'А*. Так, на месте *Е* после мягкого согласного в первом предударном слоге перед твердым согласным при преобладающем *Ё* имеет распространение и *О*, по большей части в немногочисленных, а иногда отдельных примерах по различным пунктам, а в соответствии с исконным *Ӗ (ять)* в той же позиции ёканье зафиксировано лишь в единичных случаях в отдельных пунктах; в соответствии с *А* при преобладающем *Е* в части пунктов сохраняются *А*, а в значительном количестве пунктов отмечаются колебания *Е* и *А*.

10. Для произношения гласных первого предударного слога после мягких согласных и шипящих характерно различие в зависимости от характера не только последующего, но и предыдущего согласного. В соответствии с *Е* в первом предударном слоге произношение *О* имеет наибольшее распространение в положении после шипящих, чем после мягких согласных. В положении перед мягким согласным при преобладающем *Е* отмечается *И* в отдельных словах в значительном количестве пунктов, и лишь единичные случаи *О* в отдельных пунктах. Произношение *Е* вместо *А*, как и в ударном положении, наибольшее распространение имеет в положении между мягкими согласными. После шипящих обычно сохранение *А*, а в единичных случаях отмечено *О* вместо *А (в жорý, жолéть, шогóв)*.

11. В системе употребления гласных в заударном положении наблюдается связь с грамматическими категориями и формами слов. Заударное ёканье, имеющее вообще большее распространение, чем ёканье в предударном слоге, более последовательно проводится в конечных слогах (закрытых и открытых: *пóл'о, д'élajот, кáмн'ом* и др.) и в некоторых неконечных слогах, связанных с определенными окончаниями и суффиксами: *с'ín'ово, т'ён'отц'а, отвóр'она,* причем в закрытом слоге *О* может быть в определенных флексиях и перед мягким согласным и *j (д'ер'éвн'ой)*. Гласный на месте *Ӗ (ять)* в флексиях имен существительных последовательно произносится как *Е*. На месте *А* в заударном положении при широком распространении *Е* отчетливое *А* сохраняется в определенных флек-

сиях: в дательном и творительном падежах существительных множественного числа *(ка́пл'ам, сара́jам)* и в третьем лице множественного числа глаголов 2 спр. *(вста́в'ат* и др.).

12. Учет распространения диалектных особенностей в области гласных в говорах Кировской области позволяет отделить от основной части территории южную часть области (северная граница которой проходит южнее реки Пижмы, до впадения Вятки, южнее Вятки до впадения реки Вои и на восток до р. Лобани и Лумпуна), для говоров которой характерно прибавление гласного *(О* или *А)* перед плавным при последующем согласном (типа *оржано́й)* и отсутствие или редкие случаи употребления некоторых диалектных особенностей, распространенных на севере *(Е* вместо *'А* под ударением между мягкими согласными, *о̂* или *У͡О,* форм *м'jу, м'jот,* диалектное произношение *ять* под ударением). На юго-востоке этой территории в ряде пунктов отмечается аканье.

Выделение групп говоров на основной части территории возможно при сопоставлении произношения гласных с распространением особенностей в области согласных и морфологии.

Л. П. СМОЛЯКОВА

ТИПЫ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-КАМЬЯ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

I. На территории VII (Волго-Камского) тома Диалектологического атласа русского языка в настоящее время имеются говоры трех групп: Вологодско-Вятской, Владимиро-Поволжской и акающие (средне- и южнорусские).

II. Вологодско-Вятские говоры нашей территории характеризуются полным оканьем, заударным ёканьем (при отсутствии предударного), ослабленной артикуляцией согласных звуков, четким различением родительного и предложно-дательного падежей единственного числа имен существительных женского рода на *А (Я)* и целым рядом других черт.

III. В пределах Вологодско-Вятской группы на нашей территории можно говорить о некоторых особенностях, характеризующих или специальнопермские или специальнокировские говоры. Специальнопермскими, отсутствующими в кировских говорах, чертами являются следующие: 1) различия в рефлексах старого *ять* под ударением, 2) наличие окончания— *ИМ'А* в творительном множественного прилагательных и местоимений; окончание — *АЙА* в сравнительной степени прилагательных и наречий; отсутствие чередования в глаголах с основой на *Т'*. В кировских говорах отсутствует чередование мягкого и твердого заднеязычных согласных и по всей парадигме проходит твердый заднеязычный, а только во втором лице множественного числа выступает мягкий согласный. В пермских говорах наблюдается правильное чередование мягкого и твердого заднеязычных при спряжении глаголов с основой на заднеязычный согласный.

IV. В Марийской АССР, в татарии (по Каме) и в Башкирии проходит граница владимиро-поволжских и вологодско-вятских говоров. На границе могут иметь место переходные

говоры. Типичными переходными говорами являются говоры д. Кара-Елги Заинского района Татарии и говоры соседних деревень. Эти говоры в целом представляют собой модель владимиро-поволжского типа, но в заударных слогах при редукции возможно отсутствие ее и нередки случаи заударного еканья. При общем безударном — *УТ* в третьем лице множественного числа глаголов обоих спряжений возможно различение спряжений и т. д.

V. Схожую, но несколько более стертую картину имеем и в одном из говоров владимиро-поволжского типа, находящемся в вологодско-вятском окружении. Так, в д. Искильде Куединского района Пермской области в целом сохраняется владимиро-поволжский тип, но отсутствует такая яркая черта, как уканье (на месте *О* во второй предударной позиции в абсолютном начале слова выступает *Ъ*). В заударных слогах изредка возможно отсутствие редукции. Имеется заударное ёканье (конечно, при широко представленном предударном).

VI. О каких-то общих особенностях акающих говоров на нашей территории говорить трудно, т. к. сами эти говоры представлены здесь очень неоднородно. Они могут выступать как целыми массивами (юго-восточный угол Татарии, юго-восточная часть Кировской области), так и в виде отдельных вкраплений в окающие говоры.

VII. В юго-восточной части Татарии акальщиками являются, в основном, выходцы из бывшей Курской губернии, «курчаны». Южнорусский говор курчан испытал определенное воздействие со стороны владимиро-поволжских говоров, в результате чего в настоящее время в ряде деревень утрачено фрикативное γ, мягкое *Т'* в третьем лице единственного и множественного числа глаголов. Активно идет разрушение системы предударного вокализма (проникновение оканья, развитие предударного ёканья, разрушение прежних типов яканья). В целом окающие говоры влияют на акающие, что, по всей вероятности, связано с тем, что курчаны появились постепенно на территории с уже укрепившимся владимиро-поволжским населением.

VIII. На юго-востоке Кировской области акающий массив граничит с окающими говорами вологодско-вятского типа. Акающие говоры этой территории — говоры бывших заводских починков. Здесь выступает смешанный акающе-окающий вокализм с различным соотношением аканья и оканья по отдельным деревням. Причем, «А» в первом предударном слоге чаще сохраняется в положении перед «А» под ударением и

наименее стойко в положении перед ударным «О». Широко представлено заударное ёканье.

«Полный» характер аканья на этой территории свидетельствует о том, что аканье усваивалось носителями полного оканья. Т. е. в данном случае имеем преимущественное влияние аканья на оканье, что, как нам кажется, связано с большим и интенсивным наплывом жителей с акающих территорий. Причем, окальщики также оказались втянутыми в среду заводских рабочих и оказались тем самым в акающей среде.

IX. Наиболее активным в наших говорах является процесс разрушения акающей системы. Так, в акающем говоре с. Раздолье Краснокамского района Башкирии (переселенцы, в основном, из Тульской губернии, также из Калужской и Нижегородской) наблюдаем стирание самого характера аканья (нечеткость в произношении «А» и «О» первого предударного слога, случаи оканья). Аканье в более или менее чистом виде сохраняется лишь у нескольких архаических объектов (как правило, у глухих). В речи всех слоев населения широко развилось заударное ёканье. «И» на месте ударного *ять* между мягкими согласными, отпадение Т в конечном сочетании СТ, — ШША во втором лице единственного числа глагола, типично вологодско-вятское управление при предлогах ВОЗЛЕ, ПОДЛЕ и под.

Даже отдельные представители сельской интеллигенции (в том числе и некоторые работники школы) в этом селе убеждены, что орфоэпической нормой является оканье. Быстрое разрушение акающей системы говора Раздолья, несомненно, связано и с первоначальной неоднородностью его населения.

Подобную картину имеем и в акающем говоре южнорусского типа деревень Большое и Малое Никольское Осинского района Пермской области. Население их выехало в прошлом из Смоленской губернии («смолянка»). Влияние полного оканья выразилось в сильно стертом характере аканья (распространение окающих форм, с редукцией в первом предударном слоге, особенно в положении перед А, что, может быть, и не случайно, а является следом диссимилятивного аканья). Возможно отсутствие редукции в заударных слогах. В говоре развилось заударное ёканье, «И» на месте *«ять»* под ударением между мягкими согласными, γ фрикативное отчасти вытесняется Г взрывным, Ў на месте В в конце слога и слова пока еще сохраняется. Широко представлена утрата затвора в аффрикатах (как и в окружающих пермских говорах), ут-

рата конечного Т в сочетании СТ, сравнительная степень на -АИА, специфическое управление при предлогах и под.

Таким образом, единичные говоры, находящиеся в окружении говоров другой диалектной системы, подвержены наиболее активному воздействию со стороны последних.

X. Приведенные факты взаимодействия говоров являются дополнительным подтверждением того очевидного положения, что влияние той или иной системы говоров на другую определяется конкретно-историческими условиями (количеством носителей той или иной диалектной системы, большей или меньшей однородностью населения в диалектном отношении, интенсивностью колонизации и под.). Степень влияния той или иной диалектной системы на другую связана также с длительностью пребывания того или иного говора (или группы говоров) в инодиалектном окружени.

И. А. ОССОВЕЦКИЙ

ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

1. Русские народные говоры наряду с русским литературным языком образуют современное средство массовой коммуникации для всего русского населения нашей страны, а также для тех двуязычных представителей других национальностей Советского Союза, которые наряду с родным языком пользуются также русским литературным языком или русскими говорами. Вместе с тем, русские народные говоры представляют собой исторически преходящую форму общения людей, которая в силу многих причин изменяется значительно быстрее, чем литературный язык, современная модель которого в свою очередь также является исторически преходящей.

2. В процессе исторического развития русских народных говоров их лексика изменяется как в результате внутренних факторов, так и внешних, главным из которых является влияние литературного языка. Изменение и развитие в современных условиях лексики русских народных говоров представляет собой сложный и противоречивый процесс, в котором в диалектическом единстве слиты результаты планомерного развития говоров в целом и результаты их изменения под влиянием литературного языка.

3. Развитие диалектной лексики по внутренним причинам реализуется различным образом. Такими причинами обусловлено, например, устаревание части лексического фонда говоров, не связанное с изменением общих социально-экономических условий жизни современной деревни, изменения, обусловленные общей эволюцией говора в целом, т. е. изменением его фонетики, морфологии и синтаксиса, процессы деэтимологизации слов, изменяющие как семантику диалектных слов, так и их фономорфологический состав и т. п. Многие изменения диа-

лектной лексики обусловлены ее функционированием в составе устной речи.

4. Внешними причинами, оказывающими влияние на развитие и изменение диалектной лексики, является в первую очередь влияние литературного языка, а затем — взаимное влияние говоров друг на друга. Интенсивность этих обоих видов влияния в современных условиях несоизмерима между собой, тем не менее влияние лексики соседних говоров на лексику данного говора весьма заметно, а в недалеком прошлом было одним из важнейших внешних факторов развития лексики данного говора.

5. Влияние литературного языка на лексику русских народных говоров осуществляется многообразными способами, начиная от лексических заимствований из литературного языка и кончая воздействием как на семантическую структуру отдельных диалектных слов и групп слов одного корня, так и на более широкие соотношения разнокоренных слов и гнезд слов, объединенных тематически. Влияние литературного языка осуществляется также в перестройке диалектных словообразовательных моделей, а также моделей словосочетаний и фразеоологических.

6. Взаимоотношение между лексикой литературного языка и диалектной лексикой не исчерпывается влиянием лексики литературного языка на лексику народных говоров, но также включает в себя и влияние диалектной лексики на литературный язык. Одним из результатов влияния можно считать образование того пласта лексики литературного языка, который носит название просторечия.

С. Д. КАЦ

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ПРОСТОРЕЧИИ» В СОСТАВЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

1. Составление региональных словарей выдвигает на повестку дня отбор диалектной лексики. Наибольшую трудность при этом вызывает отграничение диалектной и «просторечной» лексики.

2. Современное языкознание не располагает достаточными критериями такого отграничения. Это приводит к субъективизму при квалификации одних и тех же слов в словарях, регистрирующих, приблизительно, одну и ту же эпоху (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова и 17-томный Словарь современного русского литературного языка, издаваемый АН СССР).

3. Понятие просторечия менялось в истории русского языкознания:

а) просторечием считался разговорный русский язык в противоположность церковнославянскому,

б) просторечием называлась речь «простого» народа в противоположность литературному языку.

в) просторечием большинство современных авторов считает сниженный пласт литературного языка.

4. Стилистическая сниженность просторечия в составе современного литературного языка исторически обусловлена его связями с народными говорами. В числе фактов, сформировавших этот пласт литературного языка, были и такие, как:

а) практическое знакомство русской дворянской и различной интеллигенции с народными говорами. Отсюда возмож-

ность использования отдельных диалектов в речи культурных слоев населения.

б) популяризация диалектизмов художественной литературой (как в речи персонажей, так и в авторской речи). Диалектизмы, помеченные пунктами а) и б), легко выходили за рамки территориальной ограниченности. К ним присоединялись

в) диалектизмы, получившие широкое распространение в связи с интенсивным ростом городов за счет сельского населения. Определенная группа литературных слов, известная и говорам, в результате борьбы синонимов приобрела сниженную стилистическую характеристику, пополнив этим самым ряды просторечия (вчерась, встревать — вмешиваться в разговор, дожидать, дозволять, блевать, наказывать — поучать, неможно, облыжно, отсель, разводка и т. д.).

5. Исконная связь просторечия с народными говорами проявляется в области произносительных норм (ударение), грамматики (словообразование — словообразовательные модели, характер аффиксации, обилие суффиксов субъективной оценки; формоизменение различных частей речи; синтаксические конструкции типа «он выпимши», «молодежь не хотят», «отец он на ферме работает» и т. д.), лексики (система значений).

6. Слова, называемые в составе литературного языка просторечными, до сих пор составляют определенную часть областной лексики, однако с иной функцией.

В литературном языке они существуют только в качестве стилистических синонимов других слов, выполняющих основную номинативную функцию. В говорах многие из них являются единственными названиями ряда понятий, в том числе и жизненно важных. Например: ихний, ейный, тутошный, куды, никуды, тогды, окромя, опосля, промеж, аж, ажно, аккурат, блевать, блевота, вдогон, венуть, вертаться, взбудить, вздувать (огонь), взойти (в помещение) и т. д. и т. п.

7. Входя в синонимические ряды, т. е. не будучи единственными названиями данных понятий, так называемые «просторечные» слова могут иметь в говорах нейтральную окраску (например, прилагательные в синонимической группе негодящий — никудышный). Члены таких групп и рядов зачастую дифференцируют понятия, не выражая стилистической разницы (негодящий и никудышный дифференцируют разные степени непригодности, имеют, в связи с этим, различные, не вполне покрывающие друг друга, системы значений и различную способность сочетаться с другими словами).

8. На общем фоне диалектных слов возможность стилистической сниженности у так называемого «просторечия» значительно меньшая, чем в системе литературного языка. Возникновению ее способствуют две причины:

а) табуирование ряда слов, имеющих «неприличные» значения и появление вместо них эвфемизмов,

б) конкуренция со словами литературного языка. И в том, и в другом случае аналогичную судьбу могут разделить и слова, диалектная принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнения.

9. Исключать так называемую «просторечную» лексику из состава областной только на том основании, что она выполняет стилистические функции в литературном языке, невозможно: ту же функцию в литературном языке выполняют и несомненные диалектизмы.

10. Исключать ее из состава областной лексики на том основании, что она имеет широкое распространение (см. работы Ф. П. Филина), невозможно:

а) современное состояние областной лексикографии не дает нам надежных лексических изоглосс, объективно ограничивающих территорию распространения слова;

б) территориальная ограниченность слова сама по себе не дает еще возможности считать его областным (например, такие территориально ограниченные слова, как пахать, боронить, мост, пол и т. п.).

11. Считать, что просторечное слово отличается от областного тем, что его семантика ясна по значению основы (см. статью А. И. Чижик-Полейко) невозможно: не менее ясна по значению основы семантика фонетических и словообразовательных диалектизмов.

12. Поскольку литературный язык и диалекты различные, хотя и очень близкие, системы, каждый элемент одной из них не вполне идентичен такому же элементу другой системы. В этой связи мы рассматриваем так называемую просторечную лексику в двух аспектах:

а) как стилистический план литературного языка,

б) как неотъемлемую часть народных говоров. Всякая попытка проанализировать эту лексику с позиций иной лексической системы чревата ошибками.

13. Термин «просторечие» допустим по отношению к этой лексике только как к стилистическому пласту литературного языка. Изучаемая в составе говоров, она должна сопровождаться пометами, характеризующими ее роль именно в данном говоре.

14. Включение ее в региональные словари оправдано, помимо всего сказанного, необходимостью получить, наконец, точные лексические изоглоссы всех слов русского языка.

Т. С. КОГОТКОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В СВЯЗИ С УСТНОЙ ФОРМОЙ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

1. Разговорная (устная) форма речи, в отличие от речи письменной одного и того же языка, в гораздо меньшей мере прибегает к «избирательности форм выражения» (Н. Ю. Шведова). Смысл говоримого составляется не только из суммы формально употребленных в речи слов, но и ряда иных, несобственно языковых элементов (интонация, жест, психологическая устремленность и подготовленность к восприятию говорящего и слушающего и т. п.).

2. Изучение лексики разговорной (устной) речи, в целом почти совсем не изученной для русского языка, должно проходить с учетом таких двух основных его форм как нормированный язык (литературный) и ненормированный (язык диалектов). Разговорная (устная) речь в литературном языке существует рядом с письменной формой языка; обе эти формы постоянно взаимодействуют и взаимно влияют друг на друга. Разговорная (устная) речь в языке диалекта не имеет такового соседства, поэтому условия и обстоятельства самого ее формирования и существования в значительной мере отличаются от литературного языка. Если словоупотребление разговорной (устной) речи и в литературном языке имеет большую свободу и способность к варьированию по сравнению с языком письменным, то это же самое свойство в языке диалекта проявляется еще более интенсивно.

3. Лексический состав разговорного (устного) языка диалекта, отраженный в соответствующем диалектном словаре [1])

[1] В нашем случае имеется в виду словарь одного говора, позволяющий больше, чем словарь многих говоров, приблизиться к пониманию системных взаимоотношений в лексике.

также, как и лексический состав разговорного (устного) языка литературного языка [2]) составляется из слов разной степени употребительности; здесь также есть лексемы стилистически нейтральные и эмоционально-экспрессивные, устарелые и новые, специально-терминологические и др. Однако соотношение этих элементов будет различным. В литературном языке, например, гораздо устойчивее слова, отражающие такие явления и предметы реальной действительности, которые отошли в далекое прошлое *(ба́рин, чино́вник, пи́сарь, ура́дник, изво́зчик)*, и, напротив, в устной диалектной речи реалии и явления, ушедшие из жизни, вызывают и исчезновение слов, их называющих, из языка. Эти слова неуклонно идут в разряд устарелых *(за́дорга* — палка на краю печи, за которую держатся, когда лезут на печь, *понёва, нало́бник* — расшитая бисером и блестками лента, одеваемая замужними женщинами на лоб в качестве украшения; *нали́вка* — деревяное ведро).

4) Разговорную (устную) диалектную речь отличает более активное и смелое словотворчество, чем литературный язык. Здесь используются и старые, функционально-близкие слова для реалий новых, не имевших раньше места в говоре *(плете́нка* — гамак, *моско́вка* — москвичка, *моря́чка* — детский матросский костюмчик) и совсем новые, до сих пор неизвестные *(доя́р, бригади́рка, брига́дно)*. Как прием образования новых слов, используется и словосложение и словообразование. Словообразовательная вариантность лексических элементов и составляет отличительную и яркую особенность диалектной речи. Например, союз е́сли представлен в говоре д. Деулино Рязанской обл. в таких вариантах как: *е́жли, е́жели, е́зли, э́зли, э́ли, и́ли, ле́жли, ле́жели, ле́зли, ле́зели, ле́ли.*

5. Семантика лексических элементов разговорной (устной) диалектной речи диффузна. Эта диффузность обусловливается целым рядом сложных и взаимодействующих между собой факторов и в первую очередь: 1) самой функциональной сущностью разговорной речи с характерной для нее «приблизительностью» словоупотребления, ведь разговорная речь служит прежде всего целям повседневного бытового общения, а поэтому и более безразлична к строгому отбору слов и точному соотнесению слова и предмета мысли, чем речь письменная; 2) огромным влиянием литературного языка на диалект, 3) взаимодействием соседних говоров между собой. Устное слово ненормированного языка несет в себе совместимость многих смыслов (и оттенков смыслов). Оно содержит в себе как бы одновременно и обобщенный смысл и его частную разновидность *(мосо́л* — кость вообще и берцовая кость, *жале́ть* — любить вообще и проявлять это чувство, ласкать).

---

[2] Говоря о лексическом составе литературного языка, мы имеем в виду лишь тот его объем, который отражен в словарях литературного языка.

Е. И. ДИБРОВА

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГОВОРАХ ВЕРХНЕГО ДОНА

1. Во фразеологическом составе говоров верхнего Дона встречаются следующие типы устойчивых именных сочетаний (существительное + зависимое прилагательное): а) фразеологические единицы, общие для фразеологического состава современного русского литературного языка и верхнедонских говоров: «стреляный воробей», «трескучий мороз»; б) фразеологические единицы, имеющие диалектные грамматические особенности (в области категории рода и числа) по сравнению с параллельными фразеологическими единицами литературного языка: «чёрный полынь» (дон.) — «чёрная полынь» (лит.); «анютин глазок» и «анютины глазки» (дон.) — «анютины глазки (лит.); в) фразеологические единицы, где оба компонента являются диалектными словами: «ширый брёх» (клеветник) или один из компонентов представлен диалектизмом: «сапичьи цветы» (одуванчик); «околёсный путь» (окольный путь); г) фразеологические единицы, которые состоят из слов, находящихся в употреблении и в литературном языке, но только в диалекте образующих в сочетании друг с другом устойчивые обороты: «липка комнатная» (герань); «докучная басня» (что-то надоевшее).

2. Наиболее употребительны в диалекте фразеологические единицы, состоящие из общенародных слов, и фразеологические единицы, включающие в свой состав одно диалектное слово.

3. Донские фразеологические единицы, состоящие из общенародных слов, могут иметь параллельные конструкции во фразеологическом составе литературного языка. Имея общую структурную модель и семантическое значение с фразеологическими единицами литературного языка, диалектные фразеологические единицы отличаются тем, что в них семантически центральное слово представлено диалектным синонимом по отношению к аналогичному слову единицы литературного языка: *«вешняя* пшеница» (дон.) — *«яровая* пшеница» (лит.), *«личная* ставка» (дон.). — *«очная* ставка» (лит.). Имея общую предметную отнесенность, параллельные конструкции могут различаться и тем, что в них в основу наименования положены разные признаки: *«битое* масло» (дон.) — *«постное* масло» (лит.), *«бродячая* вода» (дон.) — *«полая* вода» (лит.).

4. Выделяется группа диалектных устойчивых сочетаний, которые имеют в литературном языке омонимы среди свободных сочетаний слов: «беззаботный Касьян» (в значении «беззаботный человек»), «тихое лето» (о безответном человеке); «колючий цветок» (алоэ). Аналогичны сотношения между донскими устойчивыми сочетаниями и такими свободными сочетаниями, которые могут возникнуть в литературном языке в окказиональном или переносном употреблении: «Николаевский кавалер» (холостяк), «донская шуба» (женская шуба, отороченная мехом).

5. Развитие несвободных значений и их реализация в устойчивых сочетаниях в диалекте имеют специфические особенности по сравнению с литературным языком [1]: а) сохраняя то же связанное значение, что и в литературном языке, прилагательное в составе диалектной фразеологической единицы сочетается с другим кругом существительных, отличающихся, как правило, от литературного языка также и лексико-грамматическим разрядом: *«смертная* лавка» (дон.) — «лавка, на которую клали мертвеца», и *«смертный* час» (лит.); *«красный* обед» (дон.) — «парадный, праздничный обед» и *«красный* двор», *«красные* ворота» (лит.); где слово «красный» (устар.) имеет то же значение: «парадный, почетный»; фразеологически связанные значения в диалекте и литературном языке могут различаться в оттенках: «черный пол» (дон.) — «нижний настил пола, где доски постелены вкось»; «черная работа» (лит.) — «работа, не требующая специального мастерства»; б) в результате метафорического и метонимического переноса значений прилагательные в диалекте развивают такие несвободные значения, которых нет в литературном языке ни в устойчивых, ни в свободных сочетаниях слов; при этом прилага-

[1] Смыслообразующим центром в именных устойчивых сочетаниях в диалекте являются, как правило, имена прилагательные, значение которых и определяет характер связей и круг сочетаемости с именами существительными.

тельные обычно вступают в сочетание с иным лексико-грамматическим разрядом имен существительных, чем в литературном языке: «луковая жизнь» (дон.) — «тяжелая жизнь», «неугодный хлеб» (дон.) — «плохо выпеченный хлеб»; «мужичий ветер» (дон.) — ветер, имеющий направление из Воронежской области; в) диалектное связанное значение прилагательного отличается от свободного значения в литературном языке лишь некоторым изменением семантических связей слова; причем обычно наблюдается связь с тем же лексико-грамматическим разрядом имени существительного, что и в литературном языке: *«частая* песня (плясовая песня на Дону) и *«частый* ритм»; *«письменный* вид» (дон.) — «паспорт» и *«письменная* просьба».

6. Фразеологически связанные значения могут появиться в диалекте в результате специфического диалектного словообразования. От разных значений глагола «слить» в диалекте образуется слово с несвободным значением («сливная каша» — жидкая пшенная каша, отделенная от гущи), а в литературном языке — со свободным («сливное молоко» — молоко, слитое из разных сосудов). Ср. «откидное молоко» (сюзьма), «очковая рыба» (мелкая, проходящая в очко сети рыба), «протяжной дом» (связь).

В. В. КОЛЕСОВ

УДАРЕНИЕ ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННЫХ ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

01. Во всех современных славянских языках полные прилагательные по своему ударению входят в один из двух больших типов: с ударением на корне *(бе́лый)* или на окончании *(седо́й)*. Однако отдельные прилагательные в различных славянских языках могут входить в разные типы; вместе с тем, в некоторых случаях колебание между накоренным и наконечным ударением не зависит от интонации краткой формы, а, следовательно, не всегда совпадает с действием закона Фортунатова-де Сессюра. Поэтому говорят (Хр. Станг) о прославянском происхождении указанных двух типов адъективных ударений; несовпадение акцентных типов по славянским языкам объясняется позднейшим обобщением разных акцентных форм парадигмы *(sy̆xъjb, sú̆xaqo* ...дали либо *сухо́й, сухо́го,* либо *су́хий, су́хого).*

02. Несовпадение акцентологических типов в адъективе встречается и в русских диалектах в их настоящем и прошлом (ср., например, Погодинский список I-ой Псковской летописи XVI века и Коншинский список Домостроя XVI в.). На почве таких несовпадений при столкновении двух диалектов или проникновении литературных норм в диалект наблюдается колебание акцентологических типов в пределах одного говора. Такие колебания отмечались часто (ср. исследование О. Брока о масальских говорах: *жо́лтый* и *желто́й, то́лстый* и *толсто́й, ме́лкий* и *мелко́й* и т. д.), но не объяснялись. Объяснить такие факты можно лишь на большом материале одного говора, взятого в синхронном срезе. В данном случае наблюдения проводились над современными псковскими говорами по материалам картотеки «Псковского областного словаря».

1.1. Как правило, колебаний ударения не наблюдается в

прилагательных, специфически диалектных (*тру́хий, чи́тый, шутно́й, кре́мный* и под.) или в тех именах прилагательных, ударение которых совпадает с литературным (*пусто́й, речно́й, ско́рый, слепо́й, пра́вый, но́вый, го́лый* и пр.).

1.2. Если диалектное ударение полных прилагательных не совпадало с ударением тех же прилагательных в литературном произношении, в диалекте возникали дублетные формы, имевшие разную судьбу.

1.3. Из этих дублетных форм (по ударению) одна скоро исчезает, и единственным ударением остается ударение, пришедшее из литературного языка (*мило́й, зелено́й* > *ми́лый, зе-ле́ный*);

1.4. В период сосуществования двух ударений возникает их семантическая дифференциация — в таком случае обе акцентые возможности сохраняются (*ди́кий* «дикий»: *дико́й* «глупый», «робкий», *го́рький* «бедный», «плохой»: *горько́й*, «горький», *гру́бый* «грубый», «злой»: *грубо́й* «шершавый», «плотный», *дю́жий* «большой», «могучий»: *дюжо́й* «сильный», «крепкий», *жи́дкий* «вязкий», «непрочный»: *жидко́й* «жидкий», *кре́пкий* «твердый», «сильный»: *крепко́й* «крепкий», *кру́пный* «большой»: *крупно́й* «крупный (о предметах в зерне)», *про́стый* «несвязанный», «порожний»: *просто́й* «простой», «обыкновенный», *ря́бый* «веснушчатый»: *рябо́й*, «пестрый», *сильно́й* «сильный» (физически): *си́льный* «большой (очень)», *тонко́й* «тонкий»: *то́нкий* «мелкий» и т. д.).

2.1 В таких случаях основное значение сохраняется за формой с диалектным акцентом; форма с литературным ударением чаще всего получает отвлеченное значение. Таким образом, происходит обогащение диалектной лексики.

2.2Семантическая дифференциация разных акцентных типов полных прилагательных грамматически сопровождается дифференциацией функционально связанных с ними форм сравнительной степени и наречий.

3.1. Семантическая дифференциация не отмечается в случае, если разница в ударении сопровождается разными словообразовательными элементами (*бо́лький* «причиняющий боль»: *больно́й* «больной» при *бо́лько* «больно», но *бо́льно* «очень, слишком»).

3.2. В говорах, где семантическая дифференциация указанного типа окончательно развилась, намечается (в виде отдельных отклонений) колебание в ударении тех прилагательных, акценты которых и в литературном, и в диалектном произношения совпадают (при *пло́тный — плотно́й*, при *убо́гий — убого́й*, при *хво́рый — хворо́й* при *твёрдый — твердо́й*, при *лено́й — ле́ный* и т. п.). Такие отклонения с точки зрения семантики являются факультативными и свидетельствуют о постепенном разрушени четкой дифференциации по значению в связи с дублетными акцентами.

4.1. Особенно прочно диалектное ударение полных прилагательных держится там, где никакая семантическая дифференциация не может возникнуть на основе проникновения в говор литературного ударения. В таком случае наиболее архаические говоры (севернопсковские говоры: Гдовский, Сланцевский, Лядский районы, русские говоры Эстонской ССР) сохраняют старое ударение, а в южнопсковских говорах постепенно распространяется ударение литературного языка (в одном и том же значении, в северных и южных говорах соответственно: *жарко́й* и *жа́ркий, моло́дый* и *молодо́й, озерна́я* (вода) и *озе́рная, ро́дный* и *родно́й, ру́дый* и *рудо́й, ску́пый* и *скупо́й, скучно́й* и *ску́чный, тихо́й* и *ти́хий* и т. д.). Именно в севернопсковских говорах нет явления 3.2. и наиболее четко прослеживается семантическая дифференциация 1.4.

4. . Некоторые архаические ударения встречаются и в южнопсковских говорах — но только в произведениях устного народного творчества (*зелено́й, мило́й* и под.).

5.1. Иногда говорят (В. Кипарский) о стилистических функциях акцентных ваирантов в языке. В говорах, развивающихся в сторону сближения с литературным языком, можно говорить о более существенной — семантической — дифференциации. В разных диалектных системах такая дифференциация может быть очень специфичной, но она всегда имеется.

В. Б. СИЛИНА

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

1. Интенсивный метод изучения лексической системы одного говора, применяемый при собирании материала для Словаря южновеликорусского говора на территории рязанской мещеры (говора д. Деулино, Рязанского р-на, Рязанской обл.), позволяет существенно расширить объект лексикографирования. Это прежде всего относится к диалектным служебным словам — наиболее абстрактной части диалектной лексики. Изучение их возможно лишь на обширном материале, позволяющем выявить многообразие значений и употребления.

2. Служебные слова являются самой отвлеченной частью лексики. Они не имеют собственного предметного значения, а «вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений (В. В. Виноградов «Русский язык», стр. 663). Поскольку современный народный говор существует лишь как бесписьменная система, нормой для которой является более или менее установившееся употребление, служащее лишь целям непосредственного общения, функционирование в нем служебных слов своеобразно по сравнению с литературным языком (имея в виду литературный язык, зафиксированный в грамматиках и словарях, а не разговорную его форму, которая практически мало изучена).

В говоре д. Деулино ряд предлогов, союзов, частиц имеет более широкий круг значений и несколько другие функции по

сравнению с литературным языком. На примере некоторых диалектных служебных слов можно проследить такие различия.

3. В предложной системе говора основное место занимают простые и отчасти наречные предлоги. Если в литературном яыке в сфере выражения абстрактных грамматических значений большую роль играют аналитические предложно-именные конструкции, то в говоре, в основном, грамматические отношения выражаются при помощи простых и наречных предлогов. Отсюда — развитие дополнительных по ср. с литературным языком значений у некоторых предлогов: круг причинных и целевых значений предлога *из,* развитие у него значения отношения; широкое временное значение предлога *через* (возможность отсчета времени и в будущее и в прошлое от момента речи) и т. п.

Бытование говора как устной формы речи, подвижность нормы приводит иногда к расширению значений слова и включению в них значений противоположных по семантике слов (смешение значений предлогов *под* и *над*). Отсутствует часто фиксированность предлога в предложном управлении при глаголах (искать *с* кого, *на* ком и т. п.) и при существительных (рожак *из,* рожак *в* и т. п.).

4. Неотделанность речи, ее частая обрывочность, незаконченность и др. особенности устной формы языка определяют функционирование союзов, союзных слов и частиц в говоре. В некоторых отношениях система союзов аналогична системе предлогов: в говоре не наблюдаются также и синтаксические конструкции, характерные для литературного языка; многие союзы более многозначны, чем союзы литературного языка. Ср. наличие условного значения у союзного слова *где*, предположительного значения у союза *ли* и т. п. Диалектные союзы иногда не имеют фиксированного места во фразе, они часто подвижны.

Для говора, нами исследуемого, характерно также смешение значений союза и частицы у одного слова, некоторая нерасчлененность семантики с одной сторны и широта употребления — с другой (ср. значения слов *ильнак, либо, лишь* и т. п.). Иногда у союзов развиваются модальные значения, вытесняющие основные, тогда союз употребляется как частица *(где, кабы, когда* и т. п.).

В говоре, как в живом разговорном языке, единственной нормой которого является более или менее устоявшееся упо-

требление, возможно быстрое и полное забвение внутренней формы слова, что приводит иногда к полной десемантизации некоторых слов или их отдельных форм и превращению их в частицы с очень неопределенным и широким модальным значением (*маленько, глядеться, не хуже, когда же* и т. п.). Вступая в круг частиц, такие слова часто развивают и союзные значения (*маленько, когда же* и т. п.).

Л. В. САХАРНЫЙ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. Словообразование до сих пор является наименее разработанным разделом в русской диалектологии. Показательно, что в вузовской программе по диалектологии раздел «словообразование» отсутствует.

2. Ограниченное количество фактического материала по словообразованию является следствием однобокого, этнографического интереса к диалектной лексике. «Известно, что в существующих диалектных словарях шире всего представлена лексика с предметными значениями. Что же касается нетерминологической лексики, особенно лексики с абстрактными, отвлеченными значениями, то опыт ее изучения у нас еще почти отсутствует» [1]. Между тем, изучение словообразовательной системы диалекта должно базироваться на всестороннем изучении его лексической системы.

3. Однако даже имеющиеся в распоряжении диалектологов материалы почти не изучаются с точки зрения словообразования. Диалектологи занимаются, как правило, традиционным фонетико-морфологическим или лексико-историческим описанием говоров. Между тем, говоры интересны не только как источник исторического, ретроспективного изучения языка, но и как народная устно-разговорная разновидность современного руского языка. Нельзя упрощенно решать вопрос об исчезновении говоров, как это делалось в 50-е годы. Говоры — не отмирающая развалина, а функционирующая система. При этом нельзя забывать, что носители говора, перенявв-

[1] Пособие — инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. АН СССР, М. 1960, стр. 24.

шие (полностью или частично) четко нормированный фонетико-морфологический строй литературного языка, сохраняют ряд особенностей синтаксического строя, словообразовательной системы и часть словаря говоров. Этим определяется влияние своеобразного «диалектного субстрата» на литературный язык в связи с расширением и демократизацией состава носителей литературного языка.

В этом плане наибольший интерес для выяснения тенденций литературного языка и самих говоров представляют диалектный синтаксис, диалектная лексика (особенно — нетерминологическая), диалектное словообразование, т. е. то, что до самого последнего времени меньше всего интересовало исследователей-диалектологов. Поэтому, ничуть не умаляя традиционного, ретроспективного плана в изучении говоров, необходимо подчеркнуть важность и актуальность и другого аспекта диалектологических исследований [2].

4. В задачи изучения диалектного словообразования входит выявление и описание специальных диалектных формантов и моделей, неизвестных литературному языку (ср. словообразовательные типы: «названия ягод»—*клубнига, чернига, землянига,* «название леса по типу деревьев»—*ельняг, сосняг;* менее известные — типа собирательных существительных с суффиксом *-ма* со значением лица—в некоторых говорах Южного Урала — *казачма, татарма* [3], префикс *во-* в прилагательных и наречиях со значением неполноты качества в некоторых севернорусских говорах — *вомало, возелено, восыро*, тип существительных со значением лица общего рода с суффиксом *-ица* — в говорах Среднего Урала — *бездомовица, неспокоица, безголосица* и мн. др.).

5. Некоторые проблемы изучения специфики диалектного словообразования можно наметить уже сейчас. Перечислим их:

1) Специфика словообразовательной системы говоров как устной разновидности русского языка.

а) Наличие моделей и подмоделей с четким конкретным значением («рукоятка орудий труда» — *литовище, косьевище, граблевище,* «виды изгороди» — *заплотник, тынник*). Значение таких моделей для четкой классификации предметов

[2] Ср. у Л. В. Щербы: «Ведь даже модернизированный филолог, изучающий современные говоры, ищет в них лишь остатки отражения старины и не считает эти говоры явлениями, достойными наблюдения сами по себе». ВЯ, 1962, № 2, стр. 98.

[3] По данным доцента Г. А. Турбина (Челябинск).

внешнего мира в сознании носителей говора. Роль аналогии в системе лексики.

б) Наличие словообразовательной синонимии («яйцо, подкладываемое в куриное гнездо» — *подклад, подкладка, подкладник, подкладень, подкладыш*). Своеобразие лексической и словообразовательной нормы в говоре.

2) Соотношение словообразовательной системы говоров и литературного языка.

а) Влияние словообразовательной системы литературного языка на говоры. Наличие в говорах ряда однотипных по структуре заимствований из литературного языка (ср. *коммунист, активист, тракторист*). Факторы, позволяющие определить освоение таких моделей и их продуктивность в говоре.

б) Группы моделей, характерные только для говоров (см. выше, п. 4). Возможности влияния их на систему литературного языка.

в) Пути обогащения предметной лексики современных говоров (соотношение заимствований из литературного языка и собственных диалектных новообразований).

3) Вопросы продуктивности моделей в говорах.

а) Продуктивность лингвистическая (потенциальная) и нелингвистическая (ср. «поле после уборки урожая» — *ржище, пшеничище, овсище* — модель потенциально продуктивна, но ряд производящих основ исчерпан. Нелингвистически она непродуктивна.

б) Модели с замкнутой и незамкнутой лексической базой (*родины, крестины, именины* — и *строгальщик, метальщик, косельщик* и др.).

в) Словарь устойчивых и неустойчивых (различение языковых образований в т. ч. закрепившихся) неологизмов и речевых, индивидуальных образований, возникающих в том или ином контексте и тут же исчезающих.

4) Принципы методики исследования диалектного словообразования.

а) Словообразовательная структура словаря и словообразовательные процессы как два различных объекта изучения словообразования в говорах [4].

б) Особенности словообразовательного анализа предметной лексики (существительные с отвлеченным значением являются своеобразной трансформацией уже имеющихся слов-

[4] Ср. Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. Избр. работы по языкознанию и фонетике. т. I, ЛГУ, 1958, стр. 17.

— глаголов, прилагательных. Подобные новообразования имеют иную природу, чем новообразования, обозначающие новые реалии).

в) Объективные критерии для выделения лингвистически продуктивных моделей из общей массы типов словообразовательной структуры (количество образований по модели и четкость значения ряда основ или словообразующего аффикса).

г) Объективные критерии для различения языковых и речевых образований (частота употребления и соответствие лексического значения внутренней форме).

А. С. ГЕРД

О НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ДИАЛЕКТОВ

1. Данные опубликованных источников и картотека Псковского областного словаря Межкафедрального словарного кабинета Ленинградского университета свидетельствуют о широком распространении в псковских говорах имен существительных с суффиксом *-ыш*.

2. В плане синхронии существует только система типовых стркутурных форм слов языка (диалекта); изучение их—сфера морфологического анализа. Вопрос о возникновении этих форм — область словообразовательного анализа, диахронического по своей направленности (Н. Д. Арутюнова, К. А. Тимофеев, В. Дорошевский, М. Докулил, И. Полдауф, К. Грегорчикова, Я. Пузынина, З. Клеменсевич). Нередко один и тот же структурный тип слов с суффиксом *-ыш* исторически связан с различными словообразовательными моделями, и наоборот, разные структурные типы слов восходят к одной модели.

3. Отметим следующие лексико-семантические группы и связаные с ними словообразовательные модели, характерные для слов с суффиксом *-ыш* в современных псковских говорах: а) названия лиц — основа глагола +*ыш*, основа существительного +*ыш*, основа прилагательного +*ыш*; б) названия рыб, зверей, птиц и домашних животных — основа глагола +*ыш*, основа существительного +*ыш*, основа прилагательного +*ыш*; в) названия растений — основа глагола +*ыш*, основа существительного +*ыш*, основа прилагательного +*ыш*; г) названия видов пищи — основа глагола +*ыш*, основа прилагательного +*ыш*; д) названия одежды — основа глагола +*ыш*, основа существительного +*ыш*; названия посуды — ос-

нова глагола +*ыш;* е) обозначение отвлеченных понятий — основа глагола +*ыш*, основа существительного + *ыш*.

4. Анализ распространения структурных типов слов и словообразовательных моделей имен существительных с суффиксом *-ыш* говорит об определенной противопоставленности псковских говоров, вместе с калининскими и смоленскими, остальным русским диалектам. С другой стороны, материалы свидетельствуют о связях псковских и калининских диалектов с говорами украинского, белорусского, польского и словацкого языков. Ср. и количественное распределение слов с суффиксом *-ыш* по территории русских диалектов: слов псковских говоров — 157, калининских — 140, архангельских — 53, вологодских —22, сибирских —18, смоленских —10, донских — 10; факты остальных диалектов единичны. Географически большинство калининских слов с суффиксом *-ыш* относится к району озера Селигер, т. е. к территории исторически тесно связанной с древней Псковской землей. С другой стороны, факты древнерусского, старопольского ,старочешских языков и современных славянских диалектов говорят о том, что большинство словообразовательных моделей с суффиксом *-ыш* являются праславянскими по происхождению, однако впоследствии, в определенный исторический период, они получили особую продуктивность только в псковских говорах, а также в чешских, словацких и сербо-хорватских диалектах.

И. А. ПОПОВ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ, СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ

1. Вопросы словообразования в говорах русского языка все более привлекают внимание исследователей. Стали появляться и работы, посвященные изучению словообразования диалектных наречий, ранее почти отсутствовавшие. Но остается еще много вопросов, ожидающих своего решения.

2. В предлагаемом сообщении затрагивается один частный вопрос этой большой темы — словообразование наречий, соотносительных с дательным падежом существительных в северо-западной части севернорусских говоров. При этом главной задачей является показать систему словообразования наречий указанного типа в диалектах в сравнении с системой литературного языка, отражение диалектных наречий в памятниках письменности и других славянских языках, а также распространение характерных для названных говоров наречий в других говорах русского языка. Такое рассмотрение наречий в говорах, литературном языке и памятниках письменности будет способствовать в дальнейшем разрешению вопроса о развитии грамматической категории наречий в историческом аспекте.

3. Материалом для наблюдений послужили сведения, собранные за последние 100 лет на территории северо-западных говоров и сохранившиеся в различных печатных и рукописных источниках, в том числе материалы диалектологических экспедиций и наблюдения автора в 1954 г. в Волховском районе Ленинградской области, в Заонежье и на Белом озере. Использованы материалы Картотеки Словаря русских народных

говоров, исторических словарей русского языка, картотеки Древнерусского словаря и словари других славянских языков.

4. Круг наречий, соотносительных с дательным падежом существительных, лексически ограничен, и образование их в говорах так же малопродуктивно, как и в литературном языке, что обусловлено особенностями семантики дательного падежа и используемых при образовании наречий предлогов. Формы дательного падежа реже подвергаются адвербиализации, чем формы других косвенных падежей. Особенно мало наречий от форм множественного числа (отмечены единичные наречия). Образование наречий от существительных разных грамматических родов и склонений в одинаковой степени малопродуктивно.

5. Наречия от форм единственного числа существительных, в зависимости от грамматического рода и соотносительности с древним типом склонения, составляют следующие группы:

а) наречия на *у* от существительных мужского рода;

б) наречия на *у* от существительных среднего рода;

в) наречия на *ы* от существительных женского рода основ на *а;*

г) наречия на *и (е)* от существительных женского рода, соотносительных с древним типом склонения основ на *i.*

6. В состав почти всех рассмотренных моделей наречий, соотносительных с дательным падежом, входят наречия диалектные и наречия литературного языка с некоторыми диалектными фонетическими особенностями. Это свидетельствует об общности словообразовательных моделей в говорах и литературном языке, которая лишь в отдельных случаях нарушается вариантами с диалектными суффиксами *(повесны, позаде).* Обе эти особенности обусловлены историей развития форм склонения существительных, от которых образованы наречия.

7. Изучение истории образования отдельных моделей и наречий важно как с точки зрения прослеживания развития этой грамматической категории, так и в общелингвистическом плане. Но решение этой задачи наталкивается на серьезные трудности в связи с недостатком сведений, донесенных до нас памятниками письменности, малой изученностью лексики русского языка предшествовавших веков. Тем не менее на основании имеющихся данных можно предполагать, что многие из рассмотренных диалектных наречий являются поздними по образованию. Они не встречаются в памятниках письменности и не зафиксированы словарями других славянских языков. Только след отдельных наречий уходит в глубь веков. Например, наречие *поряду* нередко встречается в памятниках древнерусского языка.

8. Некоторые диалектные наречия, характерные для северо-западных говоров, имеют распространение и в других говорах русского языка.

В. И. МАКСИМОВ

СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ РОДОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ

(на материале псковских говоров)

1. В современных псковских говорах, как и в литературном языке, имеется категория соотносительности имен существительных, хотя и не новая, но *активизировавшаяся* за последние десятилетия, что связано с увеличением роли женщин в общественной жизни деревни. Эта активизация нашла выражение, с одной стороны, в возникновении женских соответствий к существовавшим ранее только мужским вариантам, причем и к таким, которые в литературном языке не имеют соотносительных названий лиц женского пола (например *агроно́м, -ка, до́ктор, -и́на*). С другой стороны, происходило параллельное образование названий лиц мужского и женского пола (типа *ки́нщик, -щица*).

2. Изменился в говорах также состав соотносительных существительных женского рода со стороны тематической. Большинство более ранних образований обозначают понятия, которые относятся к кругу бытовых, семейных отношений *(свояче́ница* — свояченица, *пе́сельница, полюбо́вница, попу́тница, стара́тельница, тру́дница)*, либо представляют названия лиц по их действиям или предметам, обычно не указывающие на профессию *(казачи́ха*—батрачиха, *наймит́ка, ры́бница* — торговка рыбой). В противовес этому, среди существительных женского рода, возникших позднее, стали преобладать названия профессий, многие из которых ранее были только мужскими: *агроно́мка, -ша, ветерина́рка, почтальо́нка, письмоно́ска, слива́чка.*

3. Древнейшие супплетивный и парадигматический способ

образования соотносительных существительных (хотя и имеющие в современных говорах—в отличие от литературного языка некоторое распространение) сменил суффиксальный способ, как наиболее удобный и отвечающий морфологическим возможностям русского языка. Стремлением преодолеть супплетивизм, влиянием продуктивных суффиксальных моделей, объясняется появление таких образований, как *па́сынка* к *па́сынок, овдови́ца* к *овдове́ц, па́дчерик* к *па́дчерице, векову́хень* — старый холостяк к *векову́ха* — старая дева, *па́дчерок, -ка.* Особенно интересны последние три пары соотносительных существительных, где мы имеем случаи обратной корреляции (названия лиц мужского пола от названий лиц женского пола), неизвестные современному русскому литературному языку.

4. В современных псковских говорах, несмотря на общность происхождения процессов активизации коррелятивных существительных и причин, вызвавших эти процессы, состав суффиксов и их использование все еще далеко не во всем совпадает с литературным. Так, встречаются только в диалектных образованиях форманты *-атка (хохла́тка* — украинка), *-итка (доктори́тка)*, а также (с агентивным значением) *-ень (векову́хень), -ина (доктори́на, фельдшери́на), -ит (наймит́), -оха (богачо́ха).* Некоторые соотношения суффиксов, известные диалектным образованиям, не наблюдаются в литературных: *председа́тель, -ка, -ша; взы́тыш, -ка;* (приемные сын или дочь), *ухажёр, -ка.* И в говорах и в общенародном языке иногда отмечается перебой, нарушение соотносительности суффиксов, когда к одному производному названию лица мужского пола образуются два параллельных существительных женского рода — одно «по правилам», а второе—как бы в нарушение его: *шепту́н, -ja, -у́ха* (колдун, -ья), *шишо́к, -и́ца, -и́ха* (ср. *шиш* — бес, черт). Но в говорах эти варианты не получают видимой стилистической дифференциации, а образованные от общенародных слов «незакономерные» варианты могут иметь разговорно-просторечный и даже диалектный характер *(сват, -ья, -ха; резву́н, -ья, -у́ха).*

5. Суффиксы названий лиц женского пола отличаются от суфиксов соотносительных существительных мужского рода не только большей продуктивностью, но также и тем, что многие из них имеют в говорах конкурирующие форманты. К таким синонимичным суффиксам, имеющим одно грамматическое значение и образующим от общей основы слова с одинаковыми лексическими значениями, относятся :*-ка, -ша, (аг-*

рономка, -ша), -ка, -иха (избачка, -ихa), -ка, -ица (падчерка, -ица), -иха, ица (шишиха, -ица), -ка, -иха, -ица (почтарка, -иха, ица), -ка, -ина, -итка, -ица (докторка, -ина, -итка, -ица), -ница, -щица (разбойница, щица — кто разбивает навоз). Ср. среди суффиксов мужских вариантов синонимичные только *-ник, -щик (разбойник, -щик)*. Самым продуктивным из конкурирующих суффиксов является *-ка*, что обусловлено рядом причин.

6. Если коррелятивы женского рода образованы от непроизводных существительных мужского рода, то последние в семантическом плане могут представлять: 1) наименования лиц мужского пола; обычно это бытовые названия, прозвища, не употребляющиеся в говорах по отношению к женщинам: *абанат* — своевольник, *бурлак* — дачник, *скобарь;* 2) наименования профессий и должностей, которые либо с самого начала могли быть мужскими и женскими *(Катя работает сливачом, сливачка)*, либо позднее получили возможность в говорах (не без влияния литературного языка) обозначать лиц не только мужского, но и женского пола *(агроном, ветинар, командир)*.

Образование от таких существительных параллельных названий женского рода посредством суффиксации — несомненное проявление тенденций народного языка, более свободного в выборе средств оформления корреляции.

7. В образованиях типа *избачка, заместителька, волхвитка* в подавляющем большинстве случаев в роли производящих основ выступают также существительные мужского или «общего» рода *(избач, заместитель, волхвит)*. Выделение в таких коррелятивных существительных общей производящей основы возможно лишь при условии их одновременного появления в языке, наличия уже сложившихся формантов со значением лица женского пола типа *-итка (докторитка)*, о чем может свидетельствовать лишь отсутствие в говорах мужской параллели с суф. *-ит (докторит)* как переходной ступени.

М. Ф. МОИСЕЕНКО

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С НУЛЕВЫМ СУФФИКСОМ И СУФФИКСОМ -КА В РУССКИХ ГОВОРАХ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

1. Широко развернувшаяся в последнее время работа по собиранию материалов для региональных словарей дает в руки диалектологов богатейший материал, позволяющий приступить к изучению совершенно неразработанной области диалектологии — диалектного словопроизводства.

Мы остановили свое внимание на диалектном именном словопроизводстве, а именно на исследовании имен существительных, соотнесенных с глаголами, — образованиях с нулевым суффиксом и суфиксом *-ка*. Материал для исследования был собран в результате ряда диалектологических экспедиций (в связи с составлением областного словаря) на территории Волжско-Свияжского междуречья в период с 1958 по 1962 гг.

2. Образования нулевой суффиксации, составляющие в русских говорах значительный пласт лексики, по своей семантике представляют, во-первых, имена лиц (м. р. обжор, облай, облоп, сброх и т. п.; общего рода: опуга, сорва, ужима и т. п.), во-вторых, имена действия (взмёт, взрос, нагон, опой и т. п.). Кроме того, следует отметить и семантические группы со значением: а) результата действия (выдер, запряг, оброн), б) места (помер, утолока), в) времени (закур, зажин, замолот), г) предмета, вещи (съём, притвор, привал).

3. Исследуя генезис и семантику первообразных имен действия на -ъ (типа ходъ, выходъ), А. А. Потебня отметил их семантическую нерасчлененность: первообразное имя действия могло обозначать и результат этого действия, и место, и время, и вещь — предмет: «Первоначальная ...обособленность

его (т. е. имени действия) от других обстоятельств, между прочим — места, может повлечь за собой то, что выдвинутся вперед эти другие обстоятельства». («Из записок по русской грамматике», III, 25).

Русские говоры дают много примеров как конкретизации первоначального значения действия в плане обстоятельств этого действия: места, времени, результата действия, предмета (см. примеры выше), так и нерасчлененности действия и его обстоятельств, например:

упрёк — 1) действие по глаголу,
2) место припёка.

понос — 1) действие по глаголу,
2) результат действия, то, что уносит пчела на ножках.

зажин — 1) действие по глаголу,
2) время начала жатвы.

задёв — 1) действие по глаголу,
2) препятствие, за что задевают.

стёк 1) действие по глаголу,
2) водосточное углубление в крыше.

4. Имена существительные, соотнесенные с глаголами и образованные при помощи суффикса *-ка,* по своей семантике являются: а) именами лица (забе́жка, ла́йка, неви́дка, провожа́йка, брако́вка, колдо́вка); б) именами действия (взя́тка, замороз́ка, засы́пка, перегу́лка, око́пка, разгу́лка); в) именами, обозначающими результат действия, предмет, вещь (вы́мочка, нало́жка, отмо́чка, подни́зка, приса́дка, присту́пка и др.) Имена существительные с суффиксом *-ка* могут совмещать значения действия и его результата (взя́тка, зя́бка, стро́йка, отмо́чка), действия и места (вы́рубка, зате́чка).

5. Образования нулевой суффиксации дают много примеров суффиксальной синонимии в параллелях с именами на *-ка.* Суффиксальная синомика (нулевой суффикс—суффикс *-ка)* широко представлена в наших говорах главным образом среди образований от приставочных глаголов (за́ворот — за́воротка, запо́й — запо́йка, запо́р — запо́рка, засо́в — засо́вка, подпо́ра — подпо́рка и т. д.).

6. В русских говорах по сравнению с литературным языком имена действия с суффиксом *-ка* и нулевым суффиксом распространены гораздо шире. Большая их распространенность и продуктивность в говорах объясняется тем, что имена действия с суффиксами *-ние, -тие* являются принадлежностью лишь литературного языка: суффиксы *-ние, -тие,* будучи однозначными (обозначают только действие), потеснили в ряде случаев нулевой суффикс и суффикс *-ка.* В говорах же в образовании имен действия остаются по-прежнему продуктивными нулевой суффикс и суффикс *-ка.*

В. Д. БОНДАЛЕТОВ

О ПРОЕКТЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ СОБИРАНИЯ МАТЕРИАЛА ПО УСЛОВНЫМ ЯЗЫКАМ

1. Среди социальных диалектов особое место занимают *условные языки* (арго, жаргоны), которые выполняли функцию секретного общения в пределах особых, обычно обособленных, социальных групп, напр., в среде ремесленников-отходников, мелких торговцев и проч. Вся материальная сущность условного языка сосредоточена в его простейшей лексической системе, состоящей из слов, не понятных для непосвященных; изменение этих слов происходит по законам родного языка (диалекта) говорящего, напр., *Масы́ нахво́ились крути́хи с филозо́й.* — Мы наелись каши с маслом.

2. Несмотря на то, что на условные языки было обращено внимание еще в 18 веке, исследование их не закончено и поныне: не собран лексический материал многочисленных русских условных арго (В. И. Чернышов насчитывал свыше 70 условных языков, на самом же деле их значительно больше), не выявлены многие пункты, в которых некогда бытовали такие языки, не составлена карта распространения (преимущественного бытования) арго, не подготовлен сводный словарь всех русских условных языков.

3. Между социальными и территориальными диалектами длительное время совершался взаимный обмен лексическим материалом: условные языки заимствовали слова и выражения из местных диалектов (*волóха* — рубаха, *зéтить*—стеречь, глядеть, *зехлó* — стекло, *лóх* — мужик, *лáсо* — мало и др.) и наоборот, в местные говоры проникали слова арготического происхождения (напр., *клёво* — хорошо, *ховря́н*—хозяин, *ховря́чка* — бырыня, *котра́х* — шапка, *гаму́ра* — самогон, *ко́тюр*— парень, *нахире́ги, нахире́жницы* — рукавицы, *кима́ть, кима́рить* — спать, дремать, *бусо́й* — пьяный, *бусы́га* — пьяница, *хруст* — рубль и многие другие). Отсюда возникает необходимость самого тщательного изучения арготической лексики, особенно в связи с составлением региональных словарей русского языка. Недостаточная изученность условных языков приводит к тому, что нередко арготические слова без оснований включаются в диалектологические словари, исследования и пособия для собирателей.

4. Для нашей эпохи условные языки — категория пережиточная. Их упадок начался еще при капитализме, когда развитие крупной промышленности и торговли оттесняло на задний план старые профессии ремесленников и мелких торговцев, а вместе с ними и их профессионально-условные языки. Однако капитализм с присущими ему противоречиями не привел к повсеместному и полному исчезновению условных арго. Частично они сохранились; их можно еще обнаружить в некоторых местах, правда, в состоянии глубокой деградации. И чем быстрее условные языки идут к своей гибели, тем оперативнее должно быть их изучение, чтобы успеть собрать все, что еще осталось от них.

5. Специфические особенности условной речи (специальное назначение, особый состав лексики и проч.) требуют своеобразной методики изучения, в частности, применения специальных пособий (вопросников, программ), принципиально отличающихся от тех, которые используются при собирании лексики территориальных диалектов.

6. Так как условные языки встречались далеко не во всех селениях, то естественно, начинать надо:

а) с обнаружения пунктов, в которых в прошлом жили представители «бродячих» профессий: шерстобиты, портные, шорники, печники, жестянщики, стекольщики, торговцы, а также профессиональные нищие, сборщики подаяний на церкви и т. д.;

б) с выявления сел с условными языками, хотя бы у незначительного количества лиц.

7. Обе эти задачи можно решить с помощью «Вопросника» (см. в Приложении), в котором спрашивается о наличии (или отсутствии) ремесленников-отходников, а также предлагается сообщить; был ли у них особый язык, не понятный для окружающих.

Обследование с применением вопросника-анкеты должно охватить густой сеткой все интересные в этом отношении районы и области. Они определяются через изучение соответству-

ющей краеведческой литературы, в частности, «Материалов для географии и статистики России», губернских ведомостей, памятных книжек, материалов подворной переписи и т. д.

Целесообразность использования «Вопросника» подтверждается практикой: только на территории Пензенской обл. удалось обнаружить 10 условных языков, распространенных примерно в 30 населенных пунктах. Много нового найдено в Ульяновской обл., (организатор работы Д. И. Алексеев), Мордовской АССР, в Костромской, Владимирской, Ивановской, Горьковской и других областях.

8. Собирание лексического материала и других сведений, касающихся условного языка и его носителей, производится по специальному пособию-программе, в котором, по нашему мнению, должно быть три раздела: 1. Предварительные сведения, 2. Вопросы (или темы для бесед) по словарному составу, 3. Методические указания.

9. Раздел «Предварительные сведения» содержит вопросы, имеющие целью определить характер трудовой деятельности местного населения, распространенность ремесел и промыслов, вид промысла (местный или отхожий), маршруты и периоды сезонных отлучек ремесленников-отходников, а также получить общие данные об условном языке.

10. Раздел «Вопросы по словарному составу» заключает в себе темы, которые охватывают наиболее употребительные в арго пласты лексики: 1. Явления и предметы природы, 2. Человек, 3. Пища, 4. Одежда, обувь, 5. Жилище, утварь, орудия, 6. Животные, 7. Растения, 8. Действия, состояния, 9. Признаки, свойства, обстоятельства, 10. Числительные, меры веса, объема и др., деньги, 11. Терминология, связанная с ремеслами (с ремеслом шерстобитов, портных, воскоделов, жестянщиков и т. п.).

В каждой теме дается примерный перечень предметов-понятий, для которых имелись (или могли иметься) сответствующие слова в условном языке. Круг понятий расширяется собирателем в ходе беседы.

Общее количество конкретных вопросов будет ограничиваться примерно одной тысячей, так как, судя по лучшим записям 19-го века, количество слов большинства русских условных языков не превышает этого числа (напр., в офенском словаре И. Голышева, 1874 г., приведено около 800 слов.).

Вопросы целесообразно сопровождать иллюстрациями: какие слова употреблялись для обозначения ВОДЫ *(дря́ба, гуси́ха, сыру́ха, де́лька, вала́кша..?)*, ОГНЯ *(ду́лик, ду́льяс, свет-*

лик, морга́с, ту́ло, табу́н...?), ХЛЕБА *(сума́к, сума́рь, сукре́й..?)* и т. д.

11. В разделе «Методические указания» коротко говорится 1) о выборе информаторв, 2) о методе ведения беседы, 3) о содержании бесед (о разделах программы), 4) о правилах записи лексического материала, 5) о заполнении словарных карточек, 6) об оформлении материала.

В качестве первичного проекта такого пособия в приложении дается «Краткая программа для собирания сведений об условных языках».

12. Собирание материала по условным языкам в уже обнаруженных пунктах могли бы провести участники диалектологической, этнографической, фольклорной экспедиций. Опыт показывает, что можно поручить эту работу учителям, студентам-заочникам и другим представителям сельской интеллигенции.

13. Материал, который начинает поступать из различных областей РСФСР, необходимо концентрировать в авторитетном научном учреждении, систематизировать и оформлять в виде словаря. Научная и практическая ценность такого словаря очевидна.

К. П. СМОЛИНА

К ВОПРОСУ О ПОМЕЩЕНИИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ БОТАНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

1. При составлении диалектных региональных словарей встает вопрос об отграничении диалектной лексики от собственно терминологической, специальной лексики. Ботаническая лексика в литературном языке является специальной терминологической лексикой. Изучая лексику того или иного говора, мы не можем рассматривать ботаническую лексику как собственно терминологическую, связанную с определенным видом занятий или работ. Поэтому подход к ней при составлении словаря русского литературного языка и диалектного областного словаря не одинаков.

2. Ботаническая лексика находится в широком употреблении у всех носителей говора. Она тесно связана с хозяйственной деятельностью носителей диалекта, известна всем, не так четко выделяется в особую группу, как в литературном языке. В этом смысле ботаническую лексику можно считать частью общеразговорной местной лексики.

3. Изучение ботанической лексики требует специальной подготовки собирателя. Собирателю нужно иметь хотя бы самые общие сведения о растительном покрове той области или района, лексика которых будет дана в областном словаре. Определению диалектной ботанической лексики, как показала практика, помогает составление гербария.

4. Подход к ботанической лексике при составлении диалектного словаря имеет свою специфику и отличается от подхода к ней при составлении словарей литературного языка.

а) В словари литературного языка вошли только те ботанические термины, которые широко распространены в общем разговорном языке. В диалектный словарь войдет вся собранная ботаническая терминология, т. к. она является частью общеразговорной местной лексики.

б) Различие наблюдается в самом толковании названий растений. В словарях литературного языка «в определении названий растений не должно содержаться специальных ботанических... терминов, не имеющих широкого распространения в общем языке (см. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах) 1953, стр. 53).

Ботаническая лексика в таких словарях снабжается краткими определениями, без энциклопедической точности, без латинской терминологии. Ботаническая лексика в диалектном словаре толкуется следующим образом: диалектное название растения — ботанический термин — латинское наименование. Необходимость латинского наименования вызвана тем, что ботаническая лексика в говоре имеет узко локальный характер. В некоторых случаях, а именно, когда мало известен тот или иной ботанический термин в общеупотребительном языке, после латинского названия вводятся некоторые элементы энциклопедизма, самые общие, но дающие возможность читателю установить, о каком растении идет речь.

в) Ботаническая лексика в словарях литературного языка не иллюстрируется, а если иллюстрируется иногда, то минимальным количеством цитат. Иллюстрация ботанической терминологии также, как и всех остальных слов, помещенных в диалектном словаре, является важной частью словарной статьи.

В словарных статьях, где определяется тот или иной ботанический термин, приводится большое количество цитат.

Г. Г. МЕЛЬНИЧЕНКО

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ КОРЗИНЫ

I. Изучение названий корзин представляет большой интерес не только с лингвистической точки зрения, но также с точки зрения истории, этнографии и археологии.

II. Материалы для данного исследования собраны на территории быв. Владимиро-Суздальского княжества в тех границах, как они обозначены на карте, опубликованной в 8-м томе «Большой советской энциклопедии» (1951 г.).

III. Названия корзин рассматриваются в докладе с трех точек зрения: 1) территориального распространения, 2) семантики и 3) словообразования.

IV. Территориальное распространение отдельных названий будет показано на картах. Но объектом картографирования были далеко не все названия. Не могли быть картографированы, во-первых, единичные названия, во-вторых, словосочетания типа «бельевая корзина», «ручная корзина».

V. Картографирование отдельных названий корзин выявляет сложнейшую картину их территориального распространения.

1. Отдельные зоны имеют:

а) совокупность слов, образованных от данного корня;

б) отдельные слова, образованные от одного корня, например, *короб* — ручная корзина, и *коробица* — заплечная корзина;

в) разные значения одного и того же слова, например, *мостина* — то как ручная, то как заплечная корзина;

г) разные слова, образованные от разных корней, но обозначающие предмет одного и того же назначения, например, *грохот, коробица, плетюха* — заплечные сенные корзины.

2. Слова, образованные от ряда корней, распространены

по всей территории, но одни из них отмечены почти во всех точках, из которых получены материалы, другие, наоборот, очень редко рассеяны по этой территории.

3. Зоны распространения отдельных слов, образованных от разных корней и обозначающих предметы одного и того же назначения, могут в большей или меньшей степени совпадать.

4. Некоторые слова имеют строго очерченную зону распространения, на которой или полностью отсутствуют, или встречаются очень редко другие слова с тем же значением.

VI. Наблюдения над территориальным распространением отдельных названий корзин позволяют сделать следующие выводы:

1. Разнообразие в наименовании предметов, выполняющих одну и ту же функцию, в разных местах отражает разобщенность, изолированность хозяйственной жизни отдельных групп населения данной территории в прошлом.

2. Наличие разных наименований для одних и тех же видов корзин в одних и тех же местах говорит о смешении населения в более поздние периоды и о том, что это смешение еще не привело к стиранию прежних различий и установлению единой системы наименований.

3. Широкое распространение слов от некоторых корней (*корень, кузов, пестер* и некоторые др.) дает основание для предложения о более раннем возникновении этих наименований и их общности для ряда племенных групп.

4. Компактное расположение в разных частях изучаемой территории того или иного названия в одном и том же значении позволяет предположить, что в прошлом население этих мест жило на одной территории, составляло территориальное или племенное единство.

5. Слова, редко разбросанные на широкой территории, в прошлом, видимо, были во всеобщем употреблении на этой территории, но под влиянием определенных причин стали исчезать.

6. Лингвистические карты, составленные по этим материалам, с одной стороны, подтверждают уже известные в науке данные о размещении и этническом составе населения этой территории, с другой стороны, могут быть отправным моментом для дальнейших исторических, археологических и этнографических исследований, направленных на более глубокое изучение прошлого отдельных зон, обозначенных на этих картах.

VII. Наименование корзин подчиняется тем же законам,

что и наименование любых предметов. Оно имеет целью выделить данный предмет из среды других предметов.

В этом процессе выделения предметов путем их наименования в основном можно установить два этапа: 1) отграничение данного класса предметов от всех остальных предметов: корзины и некорзины; 2) дифференциация предметов в пределах данного класса, т. е. наименование различных видов корзин. Второй этап наступает тогда, когда появляются в обиходе разные виды корзин, имеющие разное назначение. Но наименования корзин не всегда отражают их функции.

VIII. С точки зрения внутренней формы зарегистрированные нами названия корзин можно разделить на две основные группы: 1) наименования, которые для современного речевого сознания кажутся мотивированными, и 2) наименования, которые уже кажутся немотивированными.

IX. К мотивированным, выполняющим различные дифференцирующие функции, можно отнести наименования по следующим признакам:

1) по назначению: *базарница, бардянка, бельевуха, мякинница* и пр.,;

2) по материалу: *берестяник, бредушка, вичанка* и пр.;

3) по устройству: *двухручка, двухдужка, двудёнка;*

4) по форме: *долгуша, круглушка, кругляк* и пр.;

5) по способу ношения: *боковеня, горбовик, заплечник, ручанка;*

6) по величине и вместимости: *мерка, осьмушка, полмеры, полуторница* и пр.;

7) по способу изготовления: *крученка, плетеник* и пр.

X. К немотивированным наименованиям, т. е. таким, мотивировка которых уже забылась и может быть восстановлена специальными исследованиями, могут быть отнесены: *беркун, веренька, грохот, гулька, зобенька, короб* и пр.

XI. При наименованиях, получивших значение родового понятия, появляются уточняющие определения. Наиболее часто они появляются при слове *корзина: грибная, груздовая, гуменная, картофельная* и пр. Встречаются они и при других названиях: *кошелка — франошная, сенная; мостина—гуменная, огуменная и т. д.*

XII. Для изучаемой территории характерно большое разнообразие в наименовании различных и одних и тех же видов корзин. Эти наименования образованы от 100 корней, наиболее продуктивными из которых являются: *корен'* — 23 слова (*коренник, кореновка, коренушка* и др.), *пест-, пех-, пеш-* 21 слово (*пестер, пехтер, пещер* и др.), *берк-, бирк-* 20 слов (*беркун, биркушка* и др.), *луб-* 17 слов (*лубник, лубёха* и др.).

Использовано 38 суффиксов, наиболее продуктивными из которых являются: *-к-* — в 63 словах (*берка, вечка, лубянка* и др.), *-ушк-, -юшк-* в 43 словах (*беркушка, коренушка, осьмушка* и др.), *-ик-* в 30 словах (*берестяник, драник, кузовик* и др.).

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

В. И. ТАГУНОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЗВИЩА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ МУРОМСКОГО ПООЧЬЯ

I. Прозвища имеют широкое применение в современной диалектной речи. Их изучение важно для истории древнерусских собственных имен, их судьбы в истории русского языка, а также для разрешения проблемы называния вообще. Значительные интерес в связи с этим приобретает изучение прозвищ, в частности, в Муромском Поочье.

II. Наблюдение за практикой употребления прозвищ на этой территории дает возможность выделить среди них три основные группы: 1) прозвища, относящиеся к отдельным лицам, — «личные прозвища»; 2) прозвища, относящиеся к отдельным семьям, — «семейные прозвища»; 3) прозвища, относящиеся к жителям некоторых населенных пунктов в целом.

III. Наиболее широк слой «личных прозвищ», среди которых различаются как мужские, так и женские прозвища. По значению основы среди них выделяются следующие семантические группы: 1) Внешний вид. 2) Свойства характера, поведения. 3) Особенности речи. 4) Прозвища по разным предметам. 5) Социальное положение. 6) Профессия, занятия, должность. 7) Животные, птицы, насекомые, рыбы, растения. 8) Церковные отношения и их элементы. 9) Прозвища, связанные с другими собственными именами и др.

IV. Грамматическое оформление« личных прозвищ» характеризуется преобладанием форм имен существительных с непроизводной и производной основой. Реже встречаются формы имен прилагательных, глаголов и др. Наряду с однословными наименованиями, встречаются прозвища, выраженные словосочетанием (сочетанием имени существительного с относящимся к нему именем прилагательным).

V. Исторические сопоставления личных современных прозвищ с древнерусскими именами и прозвищами, отраженными в местных и других памятниках письменности, в словаре прозвищных имен Н. М. Тупикова и в других трудах, посвященных изучению прозвищных наименований, позволяют установить черты сходства в семантических группах и грамматических формах прозвищ прошлого и настоящего времени, а также отметить тенденцию к обновлению состава прозвищ и их семантических групп. Среди современных прозвищ мы не найдем многих древнерусских имен, которые могли выступать в качестве прозвищ, в то же время отметим много таких прозвищ, которых не было и не могло быть в древнерусском языке вообще. В современных прозвищах заметно усилился качественно-оценочный их характер, что подтверждается увеличением количества прозвищ со значением свойств человека.

Современные прозвища даются чаще по сходству характера человека со свойствами того или иного предмета, по сходству с внешним видом предмета, по особенности речи и т. д. Прозвища могут быть и простыми определениями.

Изменения коснулись не только состава прозвищ, но и условий их употребления: если раньше древнерусские имена выступали не только в устной речи, но и в письменном употреблении, даже в официальных документах, то в настоящее время прозвища бытуют только в устной речи.

VI. Значительное место среди диалектных прозвищ занимают «семейные прозвища», вторые, неофициальные, фамилии, производимые обычно от имени, фамилии, реже прозвища дедов и прадедов. Это явление говорит об отражении в языке современной деревни некоторых следов старого патриархального семейного уклада, о пережиточных явлениях продолжения образования и употребления фамилий от старого именования родоначальника. «Семейные прозвища» свидетельствуют и о стремлении народа преодолеть неудобство наличия многих одинаковых фамилий в одном селении, дифференцируя однофамильцев путем качественной индивидуализации их прозвищного называния.

Грамматически прозвищные фамилии совпадают с общепринятыми фамилиями с суффиксами притяжательности.

Среди «семейных прозвищ» можно особо выделить прозвище именования детей на *-ата («рыбачата», «вёшата»* и др.).

Одним из своеобразных грамматико-структурных проявлений «семейных прозвищ» являются наименования, состоящие из объединения имени и отчества предков («Егорлексеевы»,

«Лексеймитревы»), наблюдающиеся в отдельных селениях.

VII. Мало исследован слой уже ушедших или отходящих в прошлое общих прозвищ для жителей некоторых селений. По нашим материалам, со стороны значения основы они могут быть связаны с родом занятий, с вероисповеданием, с особенностями речи, иногда имеют пренебрежительный оттенок. Грамматически эти общие прозвища обычно выражаются простыми, реже сложными формами множественного числа имен существительных с непроизводными и производными основами с суффиксами *-ник-, -ушк-* и др.

Изредка в качестве прозвищ употребляются сложные формы имен прилагательных или сочетания имен прилагательных с существительными.

VIII. Современные прозвища отражают языковое творчество народа, его стремление к конкретной оценочной характеристике отдельных лиц в связи с восприятием явлений реального мира, а также в целях выделения при помощи качественной индивидуализации наименования отдельного из общего числа одноименных предметов.

Некоторые старые формы прозвищ ушли в прошлое, другие постепенно исчезают, в то же время появляются новые формы прозвищных наименований. В связи с этим необходимо усилить изучение разных типов современных прозвищ во всем их разнообразии для более полного выяснения судьбы собственных имен в истории русского языка и истории русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. **Аванесов Р. И.** Описательная диалектология и история языка . 3
2. **Собинникова В. И.** О связи истории языка и диалектологии (на материале воронежских говоров и воронежских памятников письменности) 5
3. **Орлова В. Г.** Группировка говоров русского языка по данным лингвистической географии 10
4. **Хмелевская Т. А.** Донские говоры и их место в системе южнорусского наречия. 15
5. **Пеньковский А. Б.** Переходные говоры западной Брянщины как источник исторической диалектологии. 21
6. **Луппова Е. П.** Особенности вокализма в говорах Кировской области в связи с вопросом классификации их 25
7. **Смолякова Л. П.** Типы говоров на территории Волго-Камья и их вазимодействие 29
8. **Оссовецкий И. А.** Изменение и развитие лексики русских народных говоров в современных условиях 33
9. **Кац С. Д.** К вопросу о так называемом «просторечии» в составе современной диалектной лексики 35
10. **Коготкова Т. С.** О некоторых особенностях современной диалектной лексики в связи с устной формой ее существования . . . 39
11. **Диброва Е. И.** Фразеологические именные конструкции в говорах верхнего Дона 42
12. **Колесов В. В.** Ударение полных прилагательных в современных псковских говорах 45
13. **Силина В. Б.** Диалектные служебные слова как объект лексикографического и лексикологического изучения 48
14. **Сахарный Л. В.** Некоторые проблемы изучения диалектного словообразования 51
15. **Герд А. С.** О некоторых словообразовательных особенностях русских северо-западных диалектов 55
16. **Попов И. А.** Словообразование наречий, соотносительных с дательным падежом существительных, в северо-западной части севернорусских говоров 57

79

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

17. **Максимов В. И.** Суффиксальный способ образования родовой корреляции (на материале псковских говоров) 60
18. **Моисеенко М. Ф.** Существительные с нулевым суффиксом и суффиксом -ка в русских говорах Казанского Поволжья 63
19. **Бондалетов В. Д.** О проекте пособия для собирания материала по условным языкам 66
20. **Смолина К. П.** К вопросу о помещении в диалектном словаре ботанической лексики 70
21. **Мельниченко Г. Г.** Слова, обозначающие корзины 72
22. **Тагунова В. И.** Современные прозвища в диалектной речи муромского Поочья 76

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Т02316 от 20/III-63 г. Зак. № 749. Тир. 500. Объем 5 п. л. + ¼ вкладка.

Тип. «Гудок», Москва.

17. **Максимов Б.**
корреляции (на
18. **Моисеенко М. Ф.**
фиксом -ка в рус
19. **Бондалетов В.**
по условным я
20. **Смолина К**
ботаническ
21. **Мельни**
22. **Тагунова**
ского Пос